

Опубликовано:

Ямсков А.Н. Этноэкологические экспертизы в международных организациях // Этнология общества. Прикладные исследования в этнологии. Отв. ред. С.В. Чешко. – М.: изд. “Оргсервис-2000”, 2006. С. 10-62.

А.Н. Ямсков

Этноэкологические экспертизы в международных организациях

Участие в серии этноэкологических экспертиз, проводившихся в середине 1990-х – начале 2000-х годов по заказам Всемирного Банка, Консультативного комитета по защите морей (ACOPS) и ЮНЕСКО, а также работа в Комиссии по прикладной антропологии¹ Международного союза антропологических и этнологических наук (далее – МСАЭН) с момента ее организации на XIII Конгрессе МСАЭН в 1993 г. в г. Мехико дают, как мне кажется, возможность подвести некоторые первые итоги и поделиться сложившимися представлениями о том, каким образом и зачем проводятся эти экспертизы, когда и как они появились. Надеюсь, данная статья может быть полезна отечественным экспертам как источник информации об истории и особенностях развития данного направления прикладной науки и, главное, как пример обмена конкретным опытом, ибо и в современной России появляется все больше потребностей в этноэкологических экспертизах со стороны различных государственных органов федерального и регионального уровней и крупных производственных или транспортных компаний.

Дальнейший разговор об этноэкологической экспертизе обязательно следует предварить замечанием о том, что в нашей стране этнологи гораздо чаще проводят собственные или же принимают участие в коллективных экспертизах этнополитического характера. Речь обычно идет об анализе следующих проблем: 1) изучение причин и поиск путей урегулирования насильственных этнических конфликтов, 2) разработка направлений и методов реализации “национальной” политики российского государства или отдельных субъектов Российской Федерации (точнее, политики в сфере межэтнических отношений и культурно-языковой политики), 3) исследование и прогнозирование социокультурных и иных последствий этноизбирательных миграций населения, 4) анализ этнокультурных аспектов функционирования федеративного государственного устройства. Экспертизы такого рода проводятся с целью прогнозирования и предотвращения возможных негативных проявлений в вышеназванных сферах. Хотя и мне не раз доводилось выступать в качестве эксперта-этнолога по этим проблемам Российской Федерации или некоторых стран СНГ, все же о подобного рода этнопо-

литических экспертизах в данной работе я более говорить не буду в силу их очевидной специфики с точки зрения задачи

С. 10

особенностей организации, равно как и применения полученных выводов и рекомендаций.

Необходимо кратко остановиться на понятийно-терминологических сюжетах. Видимо, наиболее полно и ясно смысл того, что обычно делают приглашенные в качестве экспертов этнологи, а также специалисты в области истории, социологии, культурной географии, культурологии и т.п. дисциплин, передает словосочетание “социально-этнологическая экспертиза”. В составе последней, в зависимости от конкретной тематики работы, можно выделить этноэкологическую, этнополитическую, этносоциологическую и этнодемографическую составляющие. Однако, как это часто бывает, одна из последних может определять весь характер проведенного исследования и предлагаемых рекомендаций, так что вместо обобщающего понятия “социально-этнологическая экспертиза” более уместным и точным становится применение более частного, например, “этнополитическая экспертиза” или “этноэкологическая экспертиза”.

Хотя в российском законодательстве уже фигурирует понятие “этнологическая экспертиза”² и этот же термин использует в своих недавних работах признанный специалист в сфере прикладной этнологии и соответствующих экспертиз В.В. Степанов³, название “социально-этнологическая экспертиза” все же представляется мне более предпочтительным. Во-первых, опыт Всемирного Банка, о чем будет подробнее сказано ниже, показывает, что специалисты в области этнологии (социально-культурной антропологии) и социологии села (*rural sociology*) часто работают вместе или вполне успешно заменяют друг друга, а потому и результаты их труда в этой очень влиятельной международной организации именуются социолого-антропологической или просто социальной экспертизой. Во-вторых, что главное, предложенный термин, акцентируя социальные аспекты экспертизы, тем самым помогает уйти от ненужной “этнизации” этой процедуры, ибо в подавляющем большинстве случаев объектом изучения и прогнозируемого воздействия являются отнюдь не этносы или этнические общности и не их этническое самосознание, а группы населения, обладающие определенным культурным своеобразием, или социально-культурные общности, и их современная культура и социальная организация.

Прикладная наука и задачи экспертизы

Прикладная наука означает проведение исследований, имеющих целью не только понять то или иное явление окружающего нас мира, но и выработать способы/методы измене-

ния этого явления в нужном для нас направлении или же предотвращения негативных, с нашей точки зрения,

С. 11

тенденций его спонтанного развития. Кстати, в прикладной этнологии чаще всего приходится иметь дело именно со вторым аспектом, т.е. с задачами предотвращения либо всемерного торможения тех саморазвивающихся либо прогнозируемых социокультурных процессов, которые мы считаем неблагоприятными либо нежелательными.

В прикладной науке, в том числе и в прикладной этнологии, существуют два существенно разных способа использования труда профессионалов. Во-первых, специалисты могут принимать решения и давать советы, опираясь только на собственный опыт и профессиональные знания и организуя работу по своему разумению. Иными словами, соответствующая организация может считать нужным и обязательным только сам факт привлечения, например, профессионального этнолога на всех стадиях выработки и осуществления того или иного экономического проекта либо программы социально-политического характера. Во-вторых, организация может разработать собственные четкие правила работы эксперта, в нашем случае этнолога, зафиксировав общие цели выполняемой им работы, очередность и задачи главных ее этапов, основные методы и способы деятельности специалиста, и т.п. в документе, обязательном для исполнения. Последнее, т. е. исполнение формализованной процедуры, регламентирующей деятельность эксперта, и является, строго говоря, экспертизой в полном смысле этого слова, хотя и в первом случае деятельность специалиста тоже часто, хотя и не совсем корректно, называют проведением экспертизы.

Говоря об истории возникновения и составе научных экспертиз, уместно обратиться к опыту Всемирного Банка⁴ (далее – ВБ), важнейшей особенностью деятельности которого является тщательное научное обеспечение социально-экономических проектов на стадии их планирования, реализации и подведения итогов. Как и все организации, выдающие кредиты на осуществление проектов экономического и социального развития, ВБ начинает с детальных научных экспертиз технической (инженерной), экономической и финансовой сторон будущего проекта. Последнее осуществляется сотрудниками и временно привлеченными экспертами в соответствии с заранее утвержденными процедурами, подробно прописанными в документах банка.

Однако главное и наиболее важное в контексте данной работы отличие Всемирного Банка заключается в том, что он впервые среди крупных финансовых организаций, выделяющих кредиты на развитие экономики и социальной сферы, дополнил указанный набор из

технической, экономической и финансовой научных экспертиз принципиально новыми требованиями

С. 12

ниями к подготовке проектов. Так, в 1980-е – 1990-е годы обязательными условиями деятельности ВБ стали:

- экологическая экспертиза проектов, если они потенциально способны негативно отразиться на состоянии окружающей среды,
- социолого-антропологическая, или социальная (т.е. социально-этнологическая) экспертиза проектов, если они потенциально могут затронуть права и интересы коренных (аборигенных) народов, система жизнеобеспечения и культура которых принципиально отличаются от таковых этнического большинства населения страны или региона, или же если эти проекты способны привести к появлению вынужденных экономических переселенцев.

С 1994 г. ведется работа над созданием обобщенной процедуры обязательной социолого-антропологической (социальной) экспертизы проектов Всемирного Банка⁵, основными целями которой должны стать приведение проектов ВБ в соответствие с обусловленными культурными традициями потребностями и возможностями людей, оказывающихся в сфере их воздействия, и разработка путей предотвращения возможного негативного влияния этих проектов на социально-культурные особенности любых групп местного населения, а не только коренного или же появляющихся в процессе осуществления проектов вынужденных экологических и экономических мигрантов. Но данный вид экспертизы, как уже было сказано выше, вырастает прежде всего из уже детально проработанных, многократно проверенных на практике и в целом неплохо себя зарекомендовавших узко специализированных процедур оценки проектов ВБ с точки зрения их потенциального воздействия на социально-культурные особенности коренных народов или возможного порождения этими проектами вынужденных миграций и вероятных социокультурных и экономических проблем будущих вынужденных переселенцев.

Указанная деятельность ВБ в сфере экологии и этнологии регламентируется соответствующими внутренними документами, которые периодически пересматриваются для придания соответствующим процедурам большей операциональности и эффективности. В качестве примера можно кратко остановиться на сложной истории экологической экспертизы в ВБ, прообразом которой еще в 1980-е годы стало Операционное руководство-заявление № 2.36 “Экологические аспекты работы Банка”. Но как полностью и детально формализованная и полноценная процедура она существует фактически только с 1989 г. (Оперативная директива

№4.00. Приложение А “Экологическая оценка”), причем в этом случае Всемирный Банк был первым международным финансовым институтом, взявшим на

С. 13

себя такого рода обязательства. В 1991 г. документ был пересмотрен и стал Оперативной директивой № 4.01 “Экологическая оценка” с серией дополняющих его документов, а после очередной доработки и усовершенствования они в январе 1999 г. превратились в три ныне действующих взаимосвязанных документа, именуемых “Операционная политика”, “Надлежащая практика” и “Процедуры Банка” (все за номером 4.01 и с обобщающим названием “Экологическая оценка”)⁶.

Краткая справка об истории становления экологической экспертизы во Всемирном Банке уместна еще и потому, что именно в ее первых версиях было сформулировано требование обязательно оценивать возможные масштабы и минимизировать негативное воздействие проекта на биоресурсы (пастбища и леса, рыбные и другие ресурсы животного мира), используемые ведущим традиционное хозяйство коренным населением. Таким образом рождалось то, что в терминах отечественной науки можно было бы назвать этноэкологической составляющей социально-этнологической экспертизы.

Вообще говоря, проблема коренных народов давно и остро стояла при осуществлении проектов Всемирного Банка во многих регионах мира, и нередкие в прошлом случаи нарушения их прав на землю и природные ресурсы вызывали резкий протест со стороны общественно-политических и экологических неправительственных организаций, движений коренных народов и ученых-этнологов. Поэтому ВБ еще в феврале 1982 г. принял свой первый документ в этой области – Операционное руководство-заявление № 2.34 “Народы, живущие при племенном строе, в проектах, финансируемых Всемирным Банком”. В этом случае ВБ также был первым международным финансовым институтом, взявшим на себя такого рода обязательства. На смену первому документу в сентябре 1991 г. пришла существенно доработанная и расширенная Операционная директива №4.20 “Коренное население”, а с 1998 г. началась разработка ее современного усовершенствованного варианта. Впрочем, подробный анализ содержания политики ВБ по отношению к коренным народам заслуживает отдельного и весьма объемного исследования, которое лежит за рамками данной работы⁷.

Интересно отметить, что и в России первые элементы этноэкологической экспертизы тоже появились именно в документах по экологической экспертизе. Напомню, что у нас законодательно утверждены две последовательно осуществляемые и регулируемые следующими детально прописанными регламентами (нормативными документами министерств и ведомств) формы деятельности экспертов-экологов: 1) “оценка воздействия

на окружающую среду” (далее – ОВОС), которая, как и “социально-экономическая оценка”, является обязательным элементом “Технико-экономического обоснования” (далее – ТЭО) любого экономического проекта, и 2) “экологическая экспертиза”, основанная на Федеральном законе 1995 г. “Об экологической экспертизе”⁸.

Различие между ними состоит в том, что ОВОС готовят как прогноз будущего воздействия на окружающую среду экологи, входящие в штат или временно нанятые заинтересованной компанией, планирующей строительство, например, нового завода или нефтепромысла. Следовательно, это эксперты, работающие на инициаторов проекта и потому прямо от них зависящие, которые призваны внести в проект на стадии его разработки такие коррективы, которые после осуществления проекта обеспечили бы отсутствие вредных воздействий или их минимизацию. Однако по завершении ТЭО, непременно включающего ОВОС и социально-экономический раздел, оно попадает к другим, уже независимым экспертам-экологам, работающим в государственных контролирующих ведомствах либо нанятым ими из числа научных работников и преподавателей. Задачей этих независимых экспертов является проверка обоснованности ОВОС, и только подтверждение этого открывает возможность осуществления проекта, потенциально опасного для окружающей среды.

Для нас важно подчеркнуть, что при работе над ОВОС или при проведении независимой экологической экспертизы специалисты не только оценивают масштабы и последствия воздействия планируемого хозяйственного объекта на животный и растительный мир, состояние водной, воздушной и почвенной среды и т.д., но и на здоровье, социальные условия жизни местного населения и работников будущего предприятия. Более того, нормативными документами для районов Севера и Сибири, например, предусмотрена обязательная оценка воздействия на разные группы населения, в том числе отдельно на коренные народы, старожильческое русское и пришлое население, влияние на отрасли традиционного хозяйства и образ жизни коренных народов и т.п.⁹

Вместе с тем не стоит и переоценивать роль этих социально-этнологических составляющих в ОВОС или экологической экспертизе в России, ибо они находятся явно на периферии внимания специалистов и, что главное, их анализом занимаются не профессиональные этнологи, а люди с эколого-географическим или иным естественнонаучным образованием либо экономисты.

Таким образом, как на примере развития спектра обязательных научных экспертиз в проектах Всемирного Банка, так и в случае фактического

расширения тематики экологической экспертизы и ОВОС в нашей стране за счет включения в них этнологических и, в первую очередь, этноэкологических сюжетов, мы видим, что явно назрел вопрос об организации в России обязательной социально-этнологической экспертизы с созданием соответствующих нормативных документов, государственных органов по проведению таких экспертиз и профессиональной ассоциации экспертов-этнологов, способных их осуществлять*

История развития и специфика прикладной этнологии

История и особенности применения прикладной этнологии на Западе, в первую очередь в США и Канаде, неплохо изучены. В частности, для целей данной работы имеет смысл привести периодизацию развития прикладных этнологических работ, предложенную Джоном ван Уиллигеном¹⁰, поскольку она одновременно наиболее полно раскрывает их отличительные черты:

1. Предыстория прикладной этнологии охватывает период до 1860 г. и характеризуется эпизодическими попытками политиков, администраторов или крупных предпринимателей использовать почерпнутые ими из научной литературы знания о культуре отдельных групп населения в практических целях.

2. Первый этап имел место в 1860–1941 гг., когда исследователи-этнологи периодически выступали в роли консультантов государственных органов и частных компаний. Их временно привлекали в качестве помощников, не определяющих цели и методы осуществления соответствующих решений и, как правило, не участвующих в воплощении в жизнь собственных рекомендаций (а потому и не несущих за них никакой ответственности перед обществом).

3. Второй этап – 1941–1970 гг. – начался с момента организации первых профессиональных общественных организаций специалистов по прикладной этнологии в США и имел переходный характер. В это время при различных неакадемических организациях формировались долговременно работавшие группы из исследователей-экспертов, которые уже сами формулировали цели и методы своей деятельности и следили за их реализацией, внося требуемые коррективы на всем протяжении действий по осуществлению соответ-

* Следует отметить, что работа над соответствующим законопроектом уже ведется в государственных учреждениях РФ. – Отв. ред.

ствующих решений. Однако и при этом прикладные исследования чаще всего велись, как бы сказали сейчас в нашей стране, “по совместительству”, считаясь обычно лишь дополнением к основной профессиональной работе исследователя или преподавателя в университете. Воздействие этнологов на осуществляемые проекты было и на этом этапе в целом все же невелико, особенно на стадии формулирования конечных целей или планов и стадий их реализации.

4. Третий этап начался в 1970 г. и продолжается поныне. Он характеризуется появлением специалистов-этнологов, на постоянной основе вошедших в штат тех или иных государственных ведомств, общественных организаций и частных компаний с целью разработки и реализации таких форм и способов осуществления их деятельности, которые были бы в наибольшей степени приемлемы для затрагиваемых групп населения с точки зрения особенностей их культуры, социальной организации и т.п. Естественно, именно эти специалисты несут и всю полноту ответственности за последствия для данных групп населения соответствующих действий своей организации, компании или ведомства.

Трудно удержаться и не провести напрашивающиеся параллели с историей отечественной прикладной этнологии. Так, наиболее популярный в поздний советский период жанр закрытых, т. е. не предназначенных для публикации “докладных записок” в вышестоящие органы, чаще всего в профильные отделы ЦК КПСС, прямо соответствует первому этапу ее становления в США. С конца “перестройки” и на протяжении 1990-х годов достаточно часто стали организовываться временные исследовательские группы, в основном при правительственных учреждениях типа различных комитетов Государственной Думы, Совета Безопасности РФ и ряда министерств и госкомитетов (Госкомнац, Миннац, Госкомсевер и т.п.), что было типично для второго этапа развития и укрепления прикладной этнологии в США.

Обсуждая специфику прикладной науки на примере прикладной этнологии и соответствующих экспертиз, необходимо отметить одну немаловажную особенность последних. Дело в том, что прикладная этнология практически всегда ставит перед ученым очень непростую этическую проблему. С одной стороны, он может принять конечные цели деятельности той организации, в которую приходит на временную или постоянную работу, и способствовать тому, чтобы реализация этих целей вызвала наименьшие социальные издержки для минимально возможного количества

людей и одновременно приносила реальную пользу гораздо большей части затронутого населения. В этом и заключается смысл существования прикладной этнологии.

С другой стороны, специалист может в принципе не согласиться с конечными целями соответствующей организации и начать активную публичную деятельность по ее дискредитации и по защите прав и интересов соответствующих групп населения, страдающих от действий данной организации или обреченных понести ущерб в случае реализации принятых ею решений в социально-экономической или политической сфере. В последнем случае ученый становится в ряды политических деятелей или активистов гражданского общества, и на Западе его уже будут считать представителем “антропологии действия” (action anthropology), а вовсе не прикладной антропологии. Естественно, у профессионального этнолога всегда остается и третий выход – возможность “удалиться в башню из слоновой кости” и заниматься фундаментальной наукой и преподавательской работой.

Как было сформулировано в учредительных документах Комиссии по антропологии в политике и практике МСАЭН¹¹, задачи последней состоят “в обеспечении лучшего понимания потребностей людей и в формулировании и проведении в жизнь административных решений, которые соответствуют культурным особенностям населения и имеют гуманный характер”. Иначе говоря, усилия специалистов в области прикладной этнологии должны быть направлены “на разработку и проведение в жизнь альтернативных решений, отражающих антропологические (этнологические. – *А. Я.*) знания и опыт, или на влияние на деятельность по осуществлению подобных альтернативных решений в рамках общественного и частного секторов”¹².

Ныне на Западе численность дипломированных специалистов-этнологов, полностью посвящающих себя прикладным исследованиям, весьма велика, и одно время она росла очень быстрыми темпами. В качестве подтверждения имеет смысл привести некоторые данные по Соединенным Штатам Америки, где из числа лиц, только что защитивших диссертацию и получивших ученую степень “доктора философии” (Ph.D.) по культурной антропологии, физической антропологии, археологии и лингвистике, в начале 1970-х годов на “академические” должности исследователей и преподавателей в университетах и колледжах уходили 80–90%, в середине 1980-х – только 50–60%, а в начале 1990-х годов – около 70% ученых. Остальные находили себе работу вне университетов или исследовательских центров и лабораторий при них, т. е. в подавляющем своем

С. 18

большинстве становились практиками, непосредственно входящими в штат государственных, частных или международных организаций ненаучного профиля либо частных консалтинговых фирм¹³.

Таким образом, прикладная этнология предполагает полное включение специалиста в коллектив организации, осуществляющей какие-либо значимые для населения действия. При этом специалист должен иметь возможность предлагать формы осуществления основных целей данной организации, включая определение очередности и скорости претворения в жизнь отдельных ее действий, а также корректировать их по мере реализации и возникновения сопутствующих проблем. Он к тому же несет полную ответственность за все последствия для населения деятельности данной организации. Специалист при этом может быть как штатным сотрудником этой организации, так и приглашенным на определенное и достаточно длительное время экспертом.

Привлечение этнологов к экспертизе социально-экономических проектов было обусловлено двумя вполне понятными и весьма прагматическими обстоятельствами:

- необходимостью привести проект в соответствие с возможностями и потребностями местного населения, обусловленными особенностями его культуры, что одно только и может обеспечить экономическую отдачу от этого проекта;
- необходимостью избежать возможных резких протестов местного населения в случае ущемления его прав или недостаточно точного учета интересов и ожиданий и, главное, соответствующего отражения этих протестов в СМИ или публичного конфликта организации, реализующей проект, с местными общественными и международными неправительственными организациями.

Прекрасной иллюстрацией сказанного выше стала деятельность Всемирного Банка, который ныне является, вероятно, крупнейшей международной финансовой организацией с точки зрения количества профессиональных этнологов и социологов, работающих в качестве его постоянных сотрудников или привлекаемых на долговременной основе в качестве экспертов. Ранее, правда, ВБ неоднократно подвергался острейшей критике со стороны общественности многих стран за неблагоприятные экологические и социальные последствия осуществления его проектов развития экономики в странах Третьего Мира¹⁴.

Естественно, именно стремление избежать подобных скандальных последствий проектов во многом и обусловили появление во Всемирном Банке экологической экспертизы и частных вариантов социально-этноло-

гической экспертизы проектов, касающихся коренного населения или способных вызвать появление вынужденных переселенцев. С другой стороны, проведенный в начале 1990-х годов анализ экономической эффективности ряда проектов ВБ принес следующие результаты. Из выборки в 57 завершенных к тому времени проектов 30 (т. е. 53% из них) на стадии раз-

работки готовились при активном участии социологов и этнологов, и средний уровень их экономической отдачи составил 18,5%. Но у проектов, разработанных без или же при минимальном участии этнологов, отдача оказалась равной только 9%¹⁵.

Опыт прикладных этнологических исследований Всемирного Банка отражен во многих публикациях, но среди них следует особо выделить и рекомендовать читателям капитальную монографию “Ставя человека во главу угла”¹⁶, а также аннотированную библиографию¹⁷ соответствующих публикаций, составленные Майклом Черны – теперь уже бывшим старшим советником по вопросам социальной политики и социологии ВБ. В первой из них на огромном фактическом материале по странам Африки, Азии и Латинской Америки убедительно доказывается эффективность указанного подхода – “ставить человека во главу угла”, и, напротив, не менее достоверно показаны негативные последствия программ социально-экономического развития, игнорировавших социокультурную специфику местного населения. В этих работах сотрудников и экспертов ВБ на первый план обычно выходит анализ существующих локальных вариантов культуры материального жизнеобеспечения и природопользования, соответствующих им социальных структур и т.п. сюжеты этноэкологического, по принятой в России терминологии, характера.

В заключение этого раздела, для лучшего и более полного понимания сути прикладной этнологии хочу привести запомнившееся мне “правило Ромера”, приводимое известным специалистом в этой области и экспертом ВБ Конрадом Ф. Коттаком¹⁸, которое ярко иллюстрирует его собственную позицию в этой области. Упомянутый палеонтолог Ромер когда-то доказал, что у первых амфибий – обитателей суши – конечности сформировались из плавников не для того, чтобы обеспечить им выход из водной стихии на землю, а для облегчения вынужденных перемещений по суше из пересыхавших мелких водоемов в более крупные и глубокие. Используя это образное сравнение, К. Коттак подчеркивает таким образом невозможность формирования, в рамках программ развития, принципиально новых социальных и культурных феноменов в среде местного населения и нереалистичность абстрактных призывов к “прогрессу”, “модернизации”, “современным технологиям” и т.п. По его мнению, инновации формируют-

С. 20

ся только в виде развития и усложнения уже существующих социокультурных явлений (будь то социальные структуры, методы использования природных ресурсов и т.п.), поэтому этнологически обоснованные проекты развития должны включать стимулирование ускоренной и направленной эволюции подобных феноменов. Проекты социально-экономического разви-

тия достигают успеха лишь тогда, когда начинают с облегчения людям путей к достижению уже имеющихся у них жизненных целей или удовлетворению существующих потребностей.

Основные направления этноэкологической экспертизы за рубежом

О тематическом составе прикладных этнологических исследований за рубежом, о месте, которое занимают в них работы этноэкологического характера, и о проблематике последних можно вполне обоснованно судить по двум опубликованным в 1990-е годы авторитетным библиографическим справочникам по прикладным исследованиям в социально-культурной антропологии и социологии англоязычных стран мира¹⁹.

Но прежде, однако, следует охарактеризовать отличительные признаки этноэкологических исследований. Вероятно, к ним как минимум можно отнести все те работы, в которых обычное для этнологии или социально-культурной антропологии исследование культурных особенностей конкретной группы населения сочетается с 1) анализом различных аспектов природопользования, будь то в области сельского хозяйства (земледелия и скотоводства), рыболовства, лесного хозяйства, охоты и собирательства, или же в рамках мероприятий по охране природы и выделению охраняемых территорий; 2) изучением адаптации группы к социокультурной и природной среде и анализом тенденций изменения окружающей среды, а также возможным воздействием указанных продолжающихся изменений среды обитания на культуру и образ жизни населения (успех или неуспешность адаптации при этом оценивается по динамике основных медико-демографических показателей). Подобное определение отличительных черт этноэкологических исследований восходит к работам проф. В.И. Козлова²⁰, заложившего теоретические основы этноэкологии и впервые в нашей стране сформулировавшего ее определение. Сходным образом можно определить преобладающую тематику и исследовательские подходы в зарубежном аналоге отечественной этноэкологии – в “экологической антропологии”, или, пользуясь другим и ранее тоже широко распространенным термином, в “культурной экологии”²¹.

С. 21

Итак, попробуем проанализировать содержание расширенного переиздания аннотированной библиографии научных публикаций по прикладной антропологии, составленной Джоном ван Уиллигеном²², и аннотированной библиографии прикладных антропологических и социологических исследований 1975–1993 гг., подготовленных экспертами и постоянными консультантами ВБ²³.

Оба справочника дополняют, но не дублируют друг друга. Составитель второго справочника, Майкл Черны, сконцентрировал свое внимание на сугубо специализированных

“прикладных” исследованиях, заказанных и выполненных в рамках проектов экономического развития (development projects) Всемирного Банка, а также на подготовленных участниками подобных проектов публикациях, обобщающих их опыт работы в прикладной социальной науке. Таким образом, М. Черны рассматривает работы экспертов, состоящих в штате ВБ, и исследования его постоянных научных консультантов, работающих в университетах и других академических центрах. Такого рода исследования мало известны за пределами круга ученых, на постоянной основе сотрудничающих со Всемирным Банком или другими международными агентствами по оказанию экономической помощи.

Дж. ван Уиллиген, напротив, составил библиографию в основном по материалам публикаций в широко известных академических научных журналах, коллективных монографиях и бюллетенях по прикладной антропологии²⁴. Он использовал в первую очередь публикации в таких журналах и серийных изданиях, как “Practicing Anthropology”, “Bulletin of the National Association for the Practice of Anthropology”, “Training Manuals in Applied Anthropology”.

Библиографии, взятые вместе, дают хорошую и довольно полную картину тематики прикладных исследований в англоязычной социально-культурной антропологии последних десятилетий. Однако даже в сумме эти библиографии вряд ли могут считаться абсолютно исчерпывающими справочными изданиями по тематике прикладных этнологических исследований за рубежом. Так, оба составителя сочли необходимым подчеркнуть, что они не претендуют на полный библиографический обзор ни в рамках прикладной социальной науки в целом²⁵, ни даже в области публикаций экспертов и консультантов ВБ²⁶. Интересно также отметить, что ни один из этих авторов-составителей не дает во вводных статьях развернутых определений “прикладной антропологии”, хотя и касается истории ее развития.

С. 22

Оба библиографических обзора построены по тематическому принципу группировки аннотаций, причем каждое аннотированное исследование упоминается только один раз. Уровень обобщения, применяемый авторами при выделении тематических группировок аннотаций, не вполне сопоставим – М. Черны оперирует 6 группами, разделенными в общей сложности на 26 подгрупп, а Дж. ван Уиллиген – 47 тематически выделенными группами аннотаций. Кроме того, М. Черны в отдельную группу относит “внутренние публикации” ВБ.

Руководствуясь указанными авторитетными источниками, можно выявить удельный вес и тематический состав этноэкологических исследований в общем массиве работ по прикладной антропологии. Но для обеспечения сопоставимости анализируемых материалов мне пришлось применить свою, естественно, гораздо более генерализированную группировку (Табл. 1). Структурированный таким образом массив аннотаций, относящихся к этноэколо-

гии, далее распределяется по основным тематическим направлениям исследований в этой междисциплинарной области²⁷ (Табл. 2).

Библиографический обзор Дж. ван Уиллигена содержит 530 аннотаций. Однако 55 аннотаций входят в малоинформативные либо узкоспециализированные разделы “Предьстория” (9 аннотаций), “Раннее развитие дисциплины” (7), “Вопросы этики” (3), “Публикации” (15), “Исследовательские и профессиональные организации” (21). Такие аннотации, как правило, невозможно классифицировать на входящие или не входящие в сферу этноэкологии, поэтому в дальнейшем они учитываться не будут. Из библиографии ван Уиллигена ниже анализируются только 475 аннотаций, входящих в выделенные самим Дж. ван Уиллигеном 42 подраздела его основного раздела “Примеры практического применения антропологии”. Библиографический обзор М. Черны включает в общей сложности 413 аннотаций.

Таким образом, Дж. ван Уиллиген и М. Черны составили схожие в количественном отношении списки аннотированных изданий, но следует иметь в виду, что в случае с библиографией М. Черны речь идет о прикладных исследованиях в области социальных наук в целом, включающих социально-культурную антропологию и социологию.

Результаты проведенной мною работы по группировке аннотаций из обеих библиографий представлены в таблицах 1 и 2.

С. 23

Таблица 1.

Тематика прикладных антропологических исследований

Приоритетные исследовательские темы	Библиография Дж. ван Уиллигена (van Willigen, 1991) 475 назв. = 100%	Библиография М. Черны (Cernea, 1994) 413 назв. = 100%
Этническая экология	25%	34%
Медицинская и демографическая антропология, включая проблемы питания, алкоголизма, наркомании	17%	1%
Экономические проблемы, в том числе сельского хозяйства, рыболовства, промышленности, городов	9%	19%
Проблемы управления и самоуправления, социального развития местных сообществ	17%	17%

Социальная структура и стратификация, безработица, бедность	5%	5%
Права меньшинств (этнических и аборигенных, языковых, конфессиональных, расовых); этнические конфликты	6%	1%
Образование (внешкольное, школьное, высшее); подготовка администраторов	12%	18%
Прочая проблематика	10%	5%

На основе анализа данных табл. 1 можно сделать следующий вывод: в сфере прикладных исследований “этноэкологический блок” существенно превосходит в количественном отношении любой другой тематический раздел в библиографиях Дж. ван Уиллигена по социально-культурной антропологии (примерно 25% аннотаций) или М. Черны по социально-культурной антропологии и социологии (34%).

Высокий удельный вес этноэкологических (эколого-антропологических, по американской терминологии) работ среди всех исследований по прикладной антропологии не должен, однако, вызывать особого удивления. Есть все основания думать, что именно этноэкологическая составляющая прикладных исследований будет и далее приобретать все большее значение, поскольку продолжается распространение новой парадигмы соци-

С. 24

ально-экономического развития, включающей представление об “экологически устойчивом развитии (environmentally sustainable development)” в качестве своей неотъемлемой части (о чем будет сказано подробнее в следующем разделе данной работы). В рамках этой парадигмы разработка программ экономического развития, финансовой помощи и коммерческих инвестиций предполагает синтез усилий экономистов, экспертов в области финансов, инженеров-технологов, экологов, социологов и этнологов²⁸. В России все большему числу специалистов, причастных к практике социального управления и ориентированных на практические разработки, также будет требоваться специальная подготовка в области прикладной этноэкологии.

В обеих библиографиях этноэкологическая тематика, как видим, преобладает (Табл. 1), даже несмотря на то, что в список этноэкологических работ не были включены исследования по медицинской и демографической антропологии. В библиографии М. Черны кажущийся недостаток работ подобного характера объясняется спецификой задач Всемирного Банка,

поэтому весьма многочисленные проекты, напрямую касающиеся медико-антропологической и социально-демографической проблематики, попали в другие тематические разделы предложенной классификации. Например, часть из таких исследований имеет четко выраженную установку на борьбу с бедностью и безработицей (графа “Социальная структура и стратификация ...”); на развитие экономики и инфраструктуры соответствующих регионов (“Экономические проблемы ...”); на реализацию программ развития местных сообществ (“Проблемы управления и самоуправления ...”); на усилия по пропаганде здорового образа жизни и планирования семьи (“Образование ...”).

В графе “Экономические проблемы” группируются аннотации исследований, в которых вопросы природопользования вообще не рассматриваются либо находятся на периферии внимания экспертов. Например, среди 34 аннотаций, включенных Дж. ван Уиллигеном в его раздел “Сельское хозяйство”, 13 исследований были в основном посвящены вопросам соответствующих типов природопользования и потому вошли в графу “Этническая экология”; 20 исследований рассматривали прежде всего вопросы хранения, переработки и маркетинга продукции сельского хозяйства, структуры и типологии крестьянских хозяйств (графа “Экономические проблемы”); одно исследование описывало проблемы социальной стратификации сельского населения (графа “Социальная структура и стратификация”). Большая доля исследований по социальным аспектам экономической проблематики в библиографии М. Черны является вполне понятным

С. 25

следствием ориентации Всемирного Банка на внедрение комплексных программ социально-экономического развития.

Графа “Проблемы управления и самоуправления, социального развития...” включает аннотации исследований и информационных материалов по таким вопросам, как самоуправление общин аборигенного населения (особенно индейцев) и их взаимоотношения с органами государственной власти; самоуправление других территориальных сообществ городского и сельского населения и их взаимоотношения с официальными органами власти; деятельность государственных органов управления в отношении этнических меньшинств; общие проблемы развития местных сообществ (территориальных групп населения – “community development”), а также многочисленные исследования по общим вопросам социального развития (“development studies”). В последнем случае отнесение исследований к данной графе достаточно условно, ибо трудно однозначно разделить работы по социально-экономическому развитию (графа “Экономические проблемы”) и по социальным аспектам

экономического развития (графа “Проблемы управления и самоуправления, социальное развитие”).

Сравнительно небольшое количество исследований по правам меньшинств в библиографии М. Черны в действительности не отражает реального положения вещей, так как на самом деле ВБ подготовил очень большое количество исследований по проблемам защиты прав аборигенных меньшинств. Однако поскольку в этих случаях практически всегда речь идет и о правах аборигенов на землю и на сохранение традиционных форм природопользования и хозяйства, то такого рода исследования включены в “Этническую экологию”. В графу “Права меньшинств ...” попали также аннотации исследований по вопросам борьбы с расовой и этнической дискриминацией; защиты прав этнических, расовых и религиозных меньшинств; межэтнических конфликтов (Дж. ван Уиллиген), а также самые общие исследования о правах аборигенных народов, ведущих традиционный образ жизни (М. Черны).

В графу “Прочая проблематика” отнесены исследования по различным социокультурным аспектам решения жилищной проблемы и охраны и использования некоторых традиционных сооружений. Значительная доля приходится здесь также на аннотации изданий коллективных монографий по прикладной антропологии и социологии (у М. Черны) или на аннотации публикаций по охране археологических и исторических памятников (у ван Уиллигена).

Обратимся к табл. 2, в которой рассмотрено тематическое разнообразие прикладных исследований в сфере этноэкологии.

С. 26

Таблица 2

Тематика прикладных этноэкологических исследований

Основные темы прикладных этноэкологических исследований	Библиография Дж. ван Уиллигена (van Willigen, 1991) 117 назв. = 100%	Библиография М. Черны (Cernea, 1994) 142 назв. = 100%
Социокультурная адаптация вынужденных переселенцев и экономических мигрантов на новых территориях расселения	19%	38%
Права местного населения на землю, на сохранение традиционной культуры и образа жизни в районах осуществления программ	43%	20%

Основные темы прикладных этноэкологических исследований	Библиография Дж. ван Уиллигена (van Willigen, 1991) 117 назв. = 100%	Библиография М. Черны (Cernea, 1994) 142 назв. = 100%
социально-экономического развития		
Природопользование “традиционных” групп населения и его экологические последствия; типы культурной адаптации к географической среде в полиэтнических регионах	5%	5%
Адаптация населения к последствиям стихийных бедствий и промышленных загрязнений, других нарушений состояния окружающей среды	5%	7%
Местное население и программы по охране природы и лесоразведению	6%	20%
Скотоводство местного населения и состояние окружающей среды	3%	4%
Неорошаемое земледелие местного населения и состояние окружающей среды	3%	2%
Орошаемое земледелие местного населения и состояние окружающей среды	3%	2%

Подсечно-огневое земледелие местного населения и состояние окружающей среды	3%	-
Рыболовство и морские промыслы местного населения и состояние окружающей среды	6%	1%
Охота и собирательство местного населения и состояние окружающей среды	4%	1%

При анализе данных табл. 2 прежде всего бросается в глаза заметное доминирование в библиографии М. Черны исследований по проблемам культурной адаптации вынужденных переселенцев. Это отражает политику ВБ, направленную либо на предотвращение самого факта появления вынужденных переселенцев в районах реализации программ экономического развития, либо же на минимизацию их численности и полный учет прав и интересов жителей, переселяемых, например, из зон затопления при строительстве водохранилищ или с территорий, отчуждаемых для промышленного освоения. Предполагается, что вынужденные переселенцы должны получать адекватную помощь для восстановления исходного уровня жизни и хозяйства и для бесконфликтного включения в среду местного населения при сохранении своей культурной специфики и социальной организации. Такого рода исследования представлены и в библиографии Дж. ван Уиллигена, хотя и не столь широко.

Кроме того, из обеих библиографий в графу “Социокультурная адаптация вынужденных переселенцев ...” вошли аннотации исследований по адаптации в городах мигрантов из сельских районов и по проблемам освоения и заселения ранее не использовавшихся территорий. Однако исследования проблем социальной адаптации политических беженцев или этнических мигрантов из зон этнических конфликтов, столь актуальные для большинства постсоветских государств, в рассматриваемых библиографиях практически отсутствуют.

В свою очередь, ван Уиллиген приводит многочисленные публикации о деятельности комиссий, рассматривавших обращения групп жителей США с требованием признать их индейской общиной и закрепить за ними традиционно используемые в хозяйстве земли. В случаях, когда такие анно-

С. 28

тации отражали проблемы землепользования и традиционного хозяйства, они включались в соответствующую графу “Права местного населения на землю ...”. Если же такого рода аннотация не содержала никакой конкретной информации о землепользовании или традицион-

ном хозяйстве, она входила в графу “Права меньшинств ...” в табл. 1 и, соответственно, вообще не учитывалась в списке этноэкологических исследований.

В обеих рассматриваемых библиографиях широко представлены также включенные в графу “Права местного населения на землю, на сохранение традиционной культуры ...” многочисленные аннотации родственных этноэкологической экспертизе исследований по методике и проблематике “оценки социального воздействия” (social impact assessment) проектов экономического развития и конкретных исследований трансформации социокультурной среды в тех районах, где осуществляются крупные проекты и где действуют организации местных жителей по защите своей культуры и образа жизни от нежелательных, с их точки зрения, последствий такого развития экономики. Сюда же отнесены исследования методов сохранения комплекса природного и культурно-исторического наследия и приобщения современных поколений к этим ценностям.

К категории аннотаций исследований адаптации к последствиям стихийных бедствий и промышленных загрязнений относятся научные работы, изучающие реакцию населения на изменение среды обитания в результате природных и техногенных катастроф (включая случаи особенно сильного промышленного загрязнения вследствие аварий), а также отражающие деятельность государственных органов и международных организаций по оптимизации сложившихся традиций хозяйства и природопользования местного населения на территориях, подвергшихся существенному техногенному загрязнению окружающей среды.

Среди работ, составивших тематический блок “Природопользование ...”, достаточно многочисленны исследования экономических и экологических аспектов хозяйства отдельных групп земледельцев и скотоводов, особенно тех, которые населяют экстремальные по природным условиям высокогорные или пустынные территории, а также сравнительные исследования хозяйственного уклада и землепользования этнических групп, проживающих в исторически сложившихся полиэтничных регионах. Например, имеется целый ряд работ по сравнительному анализу хозяйства и систем расселения индейцев, мексиканцев США и “белых американцев” в сельских графствах юго-западных штатов, а также аборигенных и других групп сельского населения в Индии и на Филиппинах.

С. 29

В тематику “Местное население и программы по охране природы ...” вошли исследования по хозяйству и природопользованию населения, проживающего на охраняемых территориях (в заповедниках и национальных парках) или поблизости от них. Сюда же относятся вопросы расселения на территориях, где находятся редкие и особо охраняемые виды животных и растений. Особую и весьма многочисленную группу аннотаций составили те, что по-

священы проблемам охраны и восстановления лесов и древесной растительности на плотно заселенных территориях, в частности на общинных землях. Поскольку ВБ особенно активно финансирует проекты по развитию лесного хозяйства и оптимизации лесной промышленности, а также по охране природы посредством восстановления лесного покрова, то данный список аннотаций в библиографии М. Черны оказался особенно значительным.

Остальные тематические блоки можно объединить в группу исследований хозяйства и природопользования различных типов доиндустриальных обществ. Показательно примерное совпадение в обеих рассматриваемых библиографиях доли исследований по современному состоянию, экономической отдаче и экологическим последствиям традиционных систем орошаемого и богарного пашенного земледелия, кочевого и пастушеского отгонного скотоводства. Что же касается “Охоты и собирательства ...”, то в силу большей практической направленности исследований ВБ, проблемы собирателей, практикующих сбор побочных продуктов лесных экосистем, рассматриваются в рамках проектов лесного хозяйства в целом и потому в большинстве своем отнесены в графу “Местное население и программы по охране природы ...”. В библиографии ван Уиллигена представлены и специализированные работы по природопользованию групп охотников-собирателей.

Отсутствие аннотаций по подсечно-огневому земледелию в библиографии М. Черны на фоне значительной доли таких работ у ван Уиллигена также объясняется большей практической ориентированностью ВБ: его исследователи склонны рассматривать данный тип хозяйства под углом зрения необходимости его оптимизации (трансформации) для сохранения лесов (и тогда аннотация включается в графу “Местное население и программы по охране природы ...”, либо просто описывают его как один из вариантов природопользования, не имеющий особых перспектив с точки зрения обеспечения экономически эффективного и экологически устойчивого развития (в этом случае аннотация пополняет графу “Природопользование традиционных групп населения ...”). Исследования по орошаемому и неорошаемому земледелию, кочевому и пастушескому скотоводству

С. 30

представлены в библиографии ВБ именно как отражение попыток понять конкретные культурные и экологические аспекты функционирования традиционных хозяйственных систем в современных условиях для того, чтобы адаптировать программы экономической помощи к потребностям и возможностям соответствующих групп населения и развивать далее их системы хозяйства, часто существенно трансформируя последние с целью эколого-экономической оптимизации.

Ознакомившись с основными тематическими направлениями этноэкологических экспертиз за рубежом и с их относительным значением в прикладной этнологии, имеет смысл для сравнения сказать несколько слов и о ситуации, сложившейся в отечественной прикладной науке.

Единственным, пожалуй, надежным основанием для подобных суждений может служить издаваемая Институтом этнологии и антропологии РАН уже 15 лет (1990-2004) серия брошюр «Исследования по прикладной и неотложной этнологии», в которой за эти годы вышло 180 выпусков²⁹. Если судить по их названиям, то абсолютным приоритетом для специалистов из России и ряда стран СНГ являются прикладные этнополитологические исследования, на долю которых пришлось примерно 82% работ. Статьи, тематически относящиеся к прикладной этносоциологии или этнодемографии, заняли около 10% выпусков, и менее 8% могут быть отнесены к прикладной этноэкологии. Среди этих 14 преимущественно этноэкологических по своему содержанию публикаций 12 посвящены проблемам современного состояния и перспективам развития традиционного хозяйства и систем жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Таким образом, в современной России тематический облик как прикладных этнологических исследований в целом, так и их этноэкологической составляющей весьма существенно отличается от того, что сложилось в этих областях за рубежом. Поэтому можно обоснованно предположить, что при всей специфике нашей страны и ее проблем в будущем прикладные этноэкологические исследования тоже приобретут у нас гораздо большее значение, чем то, которое они имеют сейчас.

Концепция устойчивого развития как теоретическая основа этноэкологической экспертизы и проблема социокультурных и медико-демографических индикаторов

Появившись в качестве научной гипотезы в 1980-е годы благодаря усилиям Международной комиссии по окружающей среде и развитию при ООН, концепция устойчивого развития³⁰ превратилась ныне в общеприня-

С. 31

тую социально-экологическую парадигму, определяющую конечные цели социального развития человечества и неотложные задачи, решения которых настоятельно требует наше время. Не будет преувеличением заявить, что именно идеи необходимости перехода к устойчивому развитию определяют методологию и общую направленность прикладных исследований в области социальных наук и наук об окружающей среде в современном мире.

Это превращение научной концепции в мировоззренческую парадигму и фундаментальный принцип наук о человеке, обществе и окружающей среде произошло удивительно быстро – в ходе и сразу после широко известной Всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию в г. Рио-де-Жанейро в 1992 г., решения которой были широко разрекламированы за рубежом³¹. Вторая подобная конференция ООН в г. Йоханнесбурге в 2002 г. подтвердила обоснованность отмеченного фундаментального изменения в современной научной картине мира.

Причины появления концепции устойчивого развития хорошо известны. К концу XX в. стало окончательно ясно, что современная культура, сложившаяся еще в рамках индустриального общества, организует нашу жизнь таким образом, что экологический кризис вследствие загрязнения и иных неблагоприятных для человека изменений окружающей среды и истощения невозобновимых и возобновляемых природных ресурсов становится весьма вероятной и не столь уж отдаленной перспективой³². Впрочем, известно и то, что для сохранения современных постиндустриальных и индустриальных обществ и их перехода к устойчивому развитию человечеству необходима принципиальная и быстрая экологизация всех основных сфер культуры, в частности технологий (промышленных, транспортных, сельскохозяйственных, жилищно-коммунальных и т.п.), экономических механизмов, права, морали и мировоззрения.

Не вдаваясь в детали обсуждаемой концепции и прогнозы развития глобального экологического кризиса, необходимо отметить следующее. Основываясь на представлении о мире как о единой и целостной системе, структуру которой в первом приближении составляют общество (население), природа (географическая среда) и хозяйство (экономика), концепция устойчивого развития для своего воплощения в жизнь предполагает: а) создание модели подобной сбалансированной, т.е. устойчиво и неограниченно долго развивающейся системы (иначе говоря, модели желаемого будущего), б) адекватную оценку современного состояния каждого из указанных элементов этой системы (т.е. населения, окружающей среды, экономики), в) разработку детальной программы перехода от настоящего к

С. 32

требуемому будущему состоянию всей системы и каждого из указанных ее отдельных элементов. Последнее, в частности, диктует необходимость выбора адекватных индикаторов, по которым можно оценивать степень приближения системы и каждой из ее составляющих к устойчиво развивающемуся состоянию и на изменение которых в требуемом направлении должны быть направлены усилия общества, действительно стремящегося к выходу на траекторию устойчивого развития.

Понятно, что вопрос об индикаторах устойчивого развития становится центральным для любого практически ориентированного научного исследования, в том числе и в сфере социальных наук. Думается, что пока еще достигнутые успехи в научном обосновании индикаторов состояния географической среды или экономических механизмов и инфраструктуры существенно выше, чем в случае с показателями, характеризующими состояние общества (населения). Так, в исследованиях по переходу к устойчивому развитию обычно просто игнорируется этнокультурный состав населения, в том числе стихийно идущие изменения в этой сфере вследствие принципиальных различий между этническими группами в темпах их естественного прироста/убыли или этноизбирательных миграций и конфликтотенный потенциал этих сдвигов, да и с собственно медико-демографическими индикаторами далеко не все еще ясно.

Например, в принятой в 1996 г. и имеющей статус федерального закона «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» авторы, говоря о населении, сводят все его необходимые характеристики к следующим «показателям качества жизни»: продолжительность жизни человека, состояние его здоровья, отклонения в состоянии окружающей среды от нормативов, уровень знаний или образовательных навыков, доход (ВВП на душу населения), уровень занятости, степень реализации прав человека³³. В фундаментальном научном исследовании проблем устойчивого развития применительно к России известные специалисты посвящают социальным аспектам концепции несколько разделов, но в дополнение к указанным выше индикаторам и наряду с их детализацией они, по сути, вводят лишь миграции населения и состояние общественного сознания³⁴.

Несколько особняком в этом плане стоит исследование, выполненное в Российском региональном экологическом центре известным отечественным географом А.Ю. Ретеюмом³⁵, в котором оценка соответствия России в целом и ее отдельных регионов (субъектов Российской Федерации) модели устойчивого развития проводится по наиболее широкому спектру социальных и демографических критериев. Опуская индикаторы состоя-

С. 33

ния окружающей среды и экономики, перечислю все приводимые им и важные в обсуждаемом контексте показатели: демографические (младенческая смертность, естественный прирост/убыль, средняя ожидаемая продолжительность жизни мужчин при рождении, коэффициент миграционного прироста/убыли, соотношение коэффициентов брачности и разводимости); социальные (относительная численность занятых в экономике, уровень безработицы среди экономически активного населения, относительная численность школьников, заработная плата, значение коэффициента Джинни); индикаторы состояния общественного сознания

(относительная численность специалистов с высшим образованием, научного и научно-технического персонала, работников органов государственной власти и местного самоуправления, выбывших в течение года в связи со сменой рабочего места работников, зарегистрированных убийств и покушений на убийство). И так, даже при столь детальном анализе социально-демографических аспектов устойчивого развития А.Ю. Ретеем игнорирует вопросы, связанные с этнокультурным составом населения и динамикой последнего, физическим состоянием и уровнем здоровья, некоторыми экологически гораздо более значимыми демографическими характеристиками, чем приводимые им младенческая смертность или брачность/разводимость.

Этнокультурный аспект обсуждаемой концепции, вероятно, заключается в том, что общество (население территории) может выйти на устойчивое развитие, если оно: а) не рискует оказаться в ситуации насильственного этнического конфликта, б) сохраняет свою общую этнокультурную специфику, в) в максимальной возможной степени обеспечивает сохранение языков и культуры коренных этнических меньшинств.

Очевидно, что межэтническое насилие, сопровождающееся огромными экономическими и демографическими потерями или этническими чистками, радикально меняющими этнокультурный состав населения, несовместимо с принципами устойчивого развития. Но для предупреждения насильственных этнических конфликтов необходимы выявление и упреждающая нейтрализация следующих их основных предпосылок: 1) социально-экономических (неравенство между этносами в уровне жизни, представительстве в престижных социальных слоях и профессиях, органах власти); 2) культурно-языковых (недостаточное, с точки зрения представителей этнического меньшинства, использование его языка и культурных символов в общественной жизни); 3) этнодемографических (сравнительно быстрое изменение соотношения численности контактирующих народов вследствие миграционных процессов или различий в уровне естественно-

С. 34

го прироста/убыли); 4) экологических (ухудшение качества окружающей среды или используемых природных ресурсов в результате их загрязнения либо истощения представителями иной этнической группы либо государством, ассоциируемым с другим народом); 5) этнотерриториальных (несовпадение государственных или административных границ с границами расселения народов).

Государственная экономическая, социальная, культурно-языковая, миграционная, демографическая и экологическая политика, а также организация этнотерриториальных автономий (“национально-территориальных” образований разного уровня, по принятой у нас

терминологии) может с течением времени снять либо ослабить эти предпосылки. Другие предпосылки этнических конфликтов, т.е. 6) исторические (прошлые взаимоотношения народов – войны, ситуации политического господства-подчинения и т.д.), 7) конфессиональные (в том числе различия в уровне современной религиозности населения); 8) культурные различия (от особенностей бытового поведения до специфики политической культуры), хотя и нельзя снять, но можно отодвинуть в общественном сознании на задний план в ходе стимулируемой социокультурной модернизации населения отстающих по уровню экономического развития регионов, что сближает этносы по образу жизни, нормам поведения и ценностям³⁶.

Сохранение этнокультурной специфики общества означает, что этническое большинство прочно удерживает в нем свое исторически сложившееся численное и, главное, культурно-языковое доминирование. Как показывает опыт, инверсия статусов, т.е. превращение бывшего этнического большинства в одно из меньшинств, столь радикально изменяет соответствующее общество и сопровождается такими социальными потрясениями, что говорить об “устойчивом развитии” исходного социума становится невозможным. Так, перипетии превращения края Косово и Метохия в течение XX в. из сербского со значительным албанским меньшинством в албанский с численно небольшим сербским меньшинством наглядно об этом свидетельствуют. Но этнодемографические процессы конца XX в. (различия в уровне естественного прироста/убыли и миграционной подвижности этносов), при условии их продолжения в ближайшие десятилетия, приведут к подобной инверсии во многих крупнейших странах Европы (например, в Великобритании, Франции) и в США в середине – второй половине XXI в. с трудно прогнозируемыми последствиями для внутренней и внешней политики этих государств. Впрочем, государственная миграционная и демографическая политика могут как минимум затормозить такие процессы.

С. 35

Сохранение языков и культурных традиций этнических меньшинств, т.е. усилия по противодействию их культурно-языковой и этнической ассимиляции этническим большинством населения страны, – обязательное условие перехода общества к устойчивому развитию. Ассимиляция является ярким примером энтропийных процессов в обществе, и потому она прямо противоречит фундаментальным принципам подлинного развития. С точки зрения логики, понятие “развитие” означает “усложнение” или “увеличение разнообразия”, что выражается, например, в увеличении информационного потенциала действительно развивающегося явления или процесса. Поэтому “развитие” есть форма проявления неэнтропийных процессов как в природе, так и в обществе. Следовательно, упрощение этнической структуры населения или унификация культурных традиций жителей полиэтничного региона или

страны вследствие ассимиляции никак не может быть названо “развитием” даже при одновременном повышении уровня или даже качества их жизни.

Государственная этническая и культурно-языковая политика (“национальная политика”, по советско-российской терминологии), поддержка этнотерриториальных и этнокультурных автономий меньшинств вполне могут существенно замедлить ассимиляцию последних. Но в ряде случаев эта политика должна быть также нацелена на сохранение и стимулирование дальнейшего развития традиционных систем хозяйства и природопользования, как, например, в случае с коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока, относящимися к выделяемой во многих странах мира категории аборигенных меньшинств³⁷.

Медико-демографические аспекты обсуждаемой концепции, по-видимому, заключаются в том, что общество (население территории) может выйти на устойчивое развитие при условии, что оно: 1) устойчиво воспроизводится при смене поколений, не испытывая при этом эффекта перенаселенности; 2) обеспечивает своим членам наибольшую возможную продолжительность жизни и максимально высокий уровень здоровья, минимизируя риск преждевременной смерти или увечий вследствие неестественных причин (ДТП, криминал, самоубийства, отравления, несчастные случаи в быту, промышленные аварии, стихийные бедствия и т.п.) и риск заболеваемости вследствие воздействия социальных и экологических факторов. Указанные аспекты можно представлять с разной степенью детализации, но главный вопрос здесь – каковы индикаторы для оценки ситуации в этой сфере, и какие их значения и почему можно считать позитивными, а какие – негативными.

С. 36

Устойчивое воспроизводство населения следует считать необходимым условием устойчивого развития, делая исключение лишь для некоторых уже страдающих от явного аграрного перенаселения беднейших регионов мира. Уровень демографического воспроизводства, оцениваемый как оптимальный для данной страны или региона, должен определяться состоянием рынка труда, т.е. возможно более полным удовлетворением спроса на рабочую силу при минимальной безработице. Вряд ли можно согласиться с разделяемым частью активистов-экологов негативным отношением к любому росту численности населения, ибо в промышленно развитых и постиндустриальных странах фактическая нагрузка на окружающую среду продолжает расти и при стабильной либо даже уменьшающейся численности населения, ведь продолжает быстро увеличиваться уровень жизни и среднедушевое потребление товаров и услуг. Следовательно, по-прежнему растет потребление ресурсов и обусловленное этим загрязнение окружающей среды. Но при этом депопуляция в условиях разви-

вающейся экономики неминуемо стимулирует иммиграцию, обычно меняющую этническую и расовую структуру населения и культурные традиции страны, что чревато социальной дестабилизацией такого общества.

Основную сложность представляет выбор индикаторов для адекватной оценки состояния здоровья и демографических характеристик населения. Так, имеющаяся статистика заболеваемости для этого фактически непригодна, ибо: а) количество зарегистрированных заболеваний зависит прежде всего от доступности для основной части населения медицинских учреждений и квалификации работающих в них специалистов; б) частота обращений за медицинской помощью во многом определяется культурными традициями, т.е. тем, какие заболевания основная часть населения считает серьезными и требующими обязательной помощи врача; в) существует эффект частого сочетания нескольких болезней у лица с ослабленным здоровьем, поэтому количество зарегистрированных болезней населения обычно превышает число болеющих и проходящих лечение людей. Однако есть и относительно надежная статистика по заболеваемости населения и уровню его физического развития, — например, материалы медицинских обследований юношей-призывников или женщин-рожениц. Кроме того, при всей условности статистики заболеваемости все же необходимо отдельно отслеживать и, естественно, минимизировать в первую очередь долю болезней, вызываемых социальными и экологическими факторами, поскольку такие болезни очевидно несовместимы с устойчивым развитием общества.

С. 37

Вместе с тем достаточно точны сведения медицинской статистики о доле инвалидов среди детей и лиц трудоспособного возраста, что ярко свидетельствует о степени неблагополучия со здоровьем всего населения. При этом общий показатель инвалидизации населения использовать по сути нельзя, ибо в старческом возрасте критерии признания человека инвалидом крайне условны и потому фактически определяются социальной политикой в данный момент времени или в недавнем прошлом.

Часто используемый в качестве наиболее важного медико-демографического индикатора показатель младенческой смертности никак нельзя считать ведущим или особо значимым для этноэкологии, ибо он отражает не столько подлинное состояние здоровья соответствующей женской и детской части населения, сколько уровень развития и доступность медицинской помощи при родах и в первые дни и месяцы жизни, т.е. в конечном счете уровень экономического развития и степень социального благополучия общества. Кстати говоря, со снижением младенческой смертности в популяции закономерно растет “генетический груз”.

Общий показатель смертности населения также крайне мало информативен с интересующей нас точки зрения, так как он во многом определяется возрастной структурой населения. Поэтому в обществах, переживающих быстрое падение рождаемости и старение населения, этот показатель закономерно растет, что вовсе не свидетельствует об ухудшении состояния популяционного здоровья. Однако очень важен показатель смертности в работоспособном возрасте, который в устойчиво развивающемся обществе должен быть минимальным. Кроме того, большую роль играют причины смертности в работоспособном и детском возрастах, особенно доля среди них неестественных причин. Несомненно, переход к устойчивому развитию должен сопровождаться минимизацией этих причин смертности населения. Очень неблагоприятной характеристикой структуры причин смертности является также высокая доля болезней сердечно-сосудистой системы, что свидетельствует о распространенности стресса в самых резко выраженных его формах и общем низком качестве жизни.

Очень распространенный показатель средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении (СПЖ) имеет весьма существенный недостаток, так как он, особенно при высокой рождаемости, в значительной степени отражает уровень младенческой смертности. Поэтому будет логичнее дополнять его показателями СПЖ, рассчитанными для лиц, достигших возраста 15, 30 и 50 лет.

Однако в современных обществах со снижающейся рождаемостью и стареющим населением особую значимость приобретает индекс группового

С. 38

долгожительства, который рассчитывается как доля лиц 90 лет и старше среди всех лиц в возрасте 60 лет и более. Этот индекс показывает долю пожилых людей, сумевших полностью реализовать видовую продолжительность жизни человека современного вида (примерно 90 лет), т.е. очевидно, имевших хорошее здоровье и благоприятные условия жизни.

Итак, вопрос об индикаторах, по которым можно обоснованно судить об этнокультурных и медико-демографических изменениях в обществе и оценивать, в какой степени эти изменения приближают данное общество к идеальной модели устойчивого развития либо отдалают от нее, является несомненно значимым с научной и практической точек зрения как для этноэкологии в целом, так и в особенности для этноэкологических экспертиз. Последнее определяется тем, что доньше абсолютно преобладающей в отечественной этнической экологии тематикой являются исследования экологических аспектов хозяйства и материальной культуры или медико-демографических характеристик населения как индикаторов (не)успешности его адаптации к сложившимся условиям жизни. В западной науке, где “культурная экология” или “экологическая антропология” имеют давнюю историю и весьма

высокий уровень развития³⁸, ситуация в целом близка, и там тоже преобладают исследования природопользования, хозяйства, пищи или медико-демографических особенностей населения во взаимосвязи с условиями окружающей среды³⁹. Таким образом, этноэкологические исследования совершенно органично вписываются в проблематику устойчивого развития и, более того, могут обогатить ее новыми и немаловажными аспектами оценки состояния и перспектив развития полиэтничных обществ.

Сформулированные выше предложения⁴⁰, возможно, потребуют некоторой коррекции и дополнений, но сейчас мне кажется принципиально важным обратить внимание коллег на эти вопросы. Только решив их и придя к определенному консенсусу в среде специалистов по прикладной этнологии, можно будет вполне обоснованно судить о том, стало ли население какой-либо страны или региона по прошествии определенного времени жить действительно лучше или хуже, и при этом подтверждать свои выводы динамикой количественных показателей.

Особенности и результаты этноэкологических экспертиз по заказам международных организаций

Полагаю, что в обзоре моего личного опыта участия в проведении этноэкологических экспертиз по заказам международных организаций наибольший практический интерес у коллег могут вызвать сведения о том,

С. 39

какие конкретные задачи ставились перед экспертом и какие проблемы чаще всего возникали в ходе их решения.

Проект *“Коренные народы российской Арктики: современное положение и переход к устойчивому развитию”* был организован международной экологической организацией “Консультативный комитет по защите морей” (ACOPS – Advisory Committee on Protection of the Sea) совместно с Госкомсевером РФ в 1999–2000 гг., причем в связи с произошедшей в то время реорганизацией российского правительства последний был в процессе работы над проектом сменен Минэкономразвития РФ. Финансирование, однако, осуществлялось за счет средств Агентства по охране окружающей среды Дании. Полный текст этого проекта доступен в Интернете⁴¹, а та его часть, в подготовке которой мне довелось непосредственно участвовать, в значительной степени отражена в научных публикациях на русском языке⁴².

Структура итогового документа хорошо отражает поставленные перед российскими экспертами задачи. Организаторы изначально сформулировали требование увязать оценку современного положения коренных народов российской Арктики и Субарктики и экологиче-

ского состояния заселенных ими территорий, а также предложения по улучшению ситуации на Севере с концепцией устойчивого развития. Они же выделили принципиально важные сюжеты проекта, в итоге ставшие его тремя основными частями (наряду с четвертой частью, состоящей из рекомендаций), и постарались подобрать соответствующих экспертов. Среди исполнителей проекта, кстати, преобладали географы, и руководителем проекта с российской стороны была Т.М. Красовская, работающая на географическом факультете МГУ. Но вот решения о том, что именно, в каком относительном объеме и с какой целью будет анализироваться под тремя основными рубриками (социально-экономическая и медико-демографическая характеристика; традиционные занятия и культура в современных условиях и в будущем; государственная политика и законодательство), принимались экспертами и организаторами совместно в ходе долгих дискуссий.

Из четырех частей, составляющих проект, первая была посвящена оценке современного социально-экономического положения коренных народов российской Арктики, для чего потребовалось собрать и проанализировать сведения по их демографии, заболеваемости, уровню жизни и структуре занятости, уровню образования и индексу развития человеческого потенциала. Главными проблемами здесь были поиск и оценка точности статистических сведений. Наряду с научным анализом соответствующей информации каждый раздел первой части проекта сопровождал-

С. 40

ся предложениями по неотложным мерам, направленным на улучшение рассматриваемых показателей.

Вторая часть проекта содержала обоснование концептуальных основ устойчивого развития коренных народов российской Арктики и включала в себя анализ современного состояния и перспектив развития традиционных отраслей их хозяйства и роли последних в формировании и сохранении этнокультурного своеобразия северных народов, а также оценку собранных Т.М. Красовской мнений петербургских студентов, представляющих народы Севера, о традиционном хозяйстве и образе жизни, их современном состоянии и перспективах развития. Здесь же были представлены основные, на наш взгляд, свидетельства в пользу того, что традиционные системы природопользования вполне совместимы с принципами устойчивого развития.

Одними из важнейших в этом плане в практическом и научном отношении предложений, на мой взгляд, были, во-первых, идея зонирования северных территорий России на основную часть, призванную поддерживать традиционные отрасли хозяйства народов Севера в их модернизированном виде и при этом обеспечивать сохранение биоразнообразия на уровне

видов и экосистем, и меньшую часть, выделенную под промышленное и транспортное освоение. Во-вторых, мы также постарались обосновать мысль о том, что социальная политика государства в отношении народов Севера должна способствовать сохранению как той их части, что занята в традиционных отраслях хозяйства и тем самым выполняет функции сохранения языка и культуры, так и обеспечивать им нормальные условия жизни и занятость в крупных полиэтничных поселках, не допуская в них социальной маргинализации коренных северян.

Третья часть проекта содержала обзор существующих законодательных мер и государственных социально-экономических программ поддержки коренных народов российской Арктики, а также предложения по их дальнейшему развитию или пересмотру. Особое внимание было уделено вопросам организации самоуправления этих народов и их представительства в органах власти.

Наконец, четвертая и последняя часть проекта имела говорящее само за себя название “Рекомендации и предложения по обеспечению экономического, социального и культурного развития, сохранению природного и культурного наследия, стимулированию социальной активности коренных народов Севера”. Стоит добавить, что в основе большинства этих рекомендаций лежала идея выхода районов расселения и самих северных народов России на устойчивое развитие.

С. 41

Думается, что в научном плане и с точки зрения обоснованности, детальности и реализуемости сформулированных предложений на практике этот проект оказался достаточно успешным. Однако, как это нередко бывает в случае совместной деятельности российских ведомств и международных организаций, реальное воздействие данного проекта на ситуацию на российском Севере, видимо, оказалось минимальным, хотя копии на русском языке были переданы в Минэкономразвития РФ и в Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России.

Проект Всемирного Банка по развитию лесного сектора экономики России осуществлялся в несколько этапов в середине 1990-х годов, и я в качестве эксперта-этнолога дважды привлекался к написанию аналитических материалов, в том числе на основе участия в “экспедиционной миссии” группы сотрудников ВБ и привлеченных российских специалистов в Хабаровский и Красноярский края. Впоследствии сокращенная русскоязычная версия представленной во Всемирный Банк второй экспертной работы была почти полностью опубликована⁴³, а на основе первой и второй информационно-аналитических записок вышел ряд публикаций в нашей стране⁴⁴ и за рубежом⁴⁵.

Работа была организована на основе весьма четкой и довольно жесткой процедуры: вначале сотрудники ВБ, курирующие то или иное направление проекта, через уже знакомых им российских экспертов подбирали новых специалистов и проводили собеседование, определяя знания претендентов в требуемой области и их информированность о современном положении дел в данной сфере в России. Затем отобранным новым экспертам давалось техническое задание, определявшее основные задачи их работы, формы и сроки их выполнения. Вместе с тем это задание до его подписания сторонами обязательно и детально обсуждалось с будущим исполнителем, так что конкретное содержание основных и заранее определенных пунктов заполнялось при его непосредственном участии.

Во время командировки в январе–феврале 1995 г. также обратила на себя внимание явная нацеленность сотрудников Всемирного Банка на сбор информации статистического характера и на интервьюирование местных административных и хозяйственных работников и специалистов. Видимо, эта тактика организации работы совершенно оправдана с точки зрения задач экологов, экономистов или инженеров-технологов, но вот этнологу было крайне сложно выйти за круг руководителей низшего и среднего ранга и добраться до обычных сельских жителей изучаемых

С. 42

регионов. Кстати, и в моем техническом задании сбор и анализ статистики занимал основное место.

Организаторы проекта, как мне кажется, видели основной вклад российского эксперта-этнолога в том, чтобы получить от него следующие сведения: 1) этнический состав населения и доля в нем коренных (аборигенных) народов; 2) исходный “традиционный” облик их культуры и ее зависимость от лесных экосистем; 3) современное состояние традиционных и тесно связанных с использованием лесных ландшафтов систем хозяйства и природопользования коренных народов и других групп местного населения, получаемая ими в лесах продукция, ее объем и стоимость на местном рынке; 4) современная система расселения и землепользования коренных народов и других групп местного населения, использующих лесные земли для выпаса оленей, охоты и рыболовства, собирательства; 5) уровень жизни и структура занятости коренных народов и других групп местного населения, живущих в отдаленных лесных поселках, их участие в лесном хозяйстве и лесозаготовках; 6) права коренных народов на землю, занятую лесами и используемую ими в традиционных отраслях хозяйства, определяемые современным законодательством, и перспективы и возможные направления изменения последнего.

Насколько можно судить по первой значительной публикации материалов данного проекта⁴⁶, именно вопросы социально-экономического положения и занятости населения отдаленных лесных поселков и характера прав коренных народов на территории традиционного природопользования, локализации и площади последних, текущего состояния и перспектив развития регионального и федерального законодательства в этой области наиболее заинтересовали руководителей проекта на его первых стадиях. Это легко понять, ибо именно правовое регулирование прав на землю коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока могло бы закрыть для лесозаготовок обширные участки населенных и используемых ими лесных массивов, в том числе доступные в транспортном отношении и весьма ценные с точки зрения запасов и качества древесины.

Как уже говорилось выше, о конкретном содержании и некоторых итогах работ по Лесному проекту Всемирного Банка можно подробнее узнать в предшествующих публикациях⁴⁷. Полагаю, что основным и практически наиболее значимым результатом все же стала проработка вопроса о территориях традиционного природопользования, их формального правового статуса и реального функционирования на Дальнем Востоке в середине 1990-х годов⁴⁸ и возможного законодательного определения⁴⁹.

С. 43

Хочется думать, что введение этого сюжета в качестве одного из важнейших, с социально-этнологической точки зрения, в проект ВБ и апелляция последнего к российскому правительству с просьбой законодательно урегулировать объем и характер прав коренных малочисленных народов на традиционно используемые ими лесные земли с целью внести ясность, какие территории открыты для лесозаготовительных предприятий и на каких условиях, а какие – закрыты, могло способствовать принятию федерального закона о территориях традиционного природопользования⁵⁰. По крайней мере, в официальных отчетах и первых публикациях по этому проекту, передававшихся ВБ в Правительство РФ, в качестве одной из проблем, сдерживающих развитие лесного сектора экономики России в середине 1990-х годов, было названо наличие несогласованных друг с другом региональных законов о территориях традиционного природопользования при отсутствии федерального законодательства в данной сфере, что порождало юридическую неопределенность статуса земель, используемых коренными народами в традиционных отраслях хозяйства.

Кстати говоря, сотрудничество со Всемирным Банком в сфере этноэкологической проблематики не ограничивалось для меня участием в Лесном проекте – оно началось с подготовки для библиографии и аналитического обзора публикаций на русском языке по этнокультурным и социальным аспектам экологической катастрофы в Аральском регионе⁵¹. По-

лагаю, уместно упомянуть и эту работу, так как она тоже наглядно свидетельствует о востребованности во Всемирном Банке специалистов в области этноэкологических исследований.

Стоит, видимо, описать и некоторые другие работы такого рода, хотя они были еще более конкретными, относились скорее к прикладной этнологии в целом и притом имели технический, а не научно-практический характер.

Документы, определяющие политику ВБ *по отношению к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ*, дважды попадали ко мне как сотрудничающему с этой организацией эксперту-этнологу на рецензирование. Эти внутренние документы Всемирного Банка по сути представляют собой специализированный вариант социально-этнологической экспертизы. Результатом каждый раз были своего рода развернутые рецензии на проекты этих документов и их переводы на русский язык, предлагавшие определенные изменения или дополнения в некоторых формулировках, касающихся систем традиционного и близкого к ним природопользования и расселения, прав ведущих традиционный об-

С. 44

раз жизни представителей этих народов на землю и биоресурсы освоенных территорий, и т.п.⁵²

Оба раза мне приходилось останавливаться на одних и тех же тонкостях перевода. В работе 2001 г. было отмечено, что выражение “the customary or traditional land tenure systems” необходимо переводить как “основанные на обычаях или традиционные системы землепользования”, но никак не “обычные или традиционные системы землевладения”, ибо а) речь идет о том, что именно “основанная на обычаях”, т.е. на нормах обычного права, система может быть признана законной, тогда как бытовое слово “обычная” такого смысла в себе не несет; б) “землевладение” переводится только и исключительно как “land ownership”, тогда как в оригинале документа на английском языке говорится именно и только о землепользовании (“land tenure”), которое у аборигенных групп населения может иметь место в том числе на государственных (казенных) или даже частновладельческих (помещичьих) землях.

Также в работе 2001 г. предлагалось оригинальный английский термин “social assesment” переводить не как “социальная оценка” или “социологическая оценка”, но всегда и везде как “социологическая экспертиза” либо, отражая суть документов, как “социально-этнологическая экспертиза”, ибо 1) понятие “экспертиза” стало в России распространенным обозначением формализованных процедур, выполняемых специалистами (типа законодательно определенной экологической экспертизы), тогда как слово “оценка” в указанном смысле в отечественной литературе не применяется и к тому же оно звучит как слишком уп-

рощенно-бытовое выражение; 2) в данное время уже разрабатывается проект Закона РФ “Об этнологической экспертизе”, которая призвана выполнять сходные функции, так что в скором времени термин “(социально)-этнологическая экспертиза” приобретет известность и ясность.

Разумеется, эксперта-этнолога приглашали для рецензирования такого рода документов вовсе не в качестве редактора перевода на русский язык. Из наиболее существенных по своей сути замечаний и пожеланий стоит, думается, выделить следующие два.

Во-первых, документы ВБ справедливо акцентируют необходимость максимального внимания разработчиков проектов к традиционным культурам и системам жизнеобеспечения аборигенных/коренных народов, требуя их всемерного сохранения в процессе реализации программ развития экономики, что нельзя не оценить положительно. Однако возникают вопросы: не будут ли эти документы искусственно тормозить экономическое и социально-политическое развитие тех групп коренных народов,

С. 45

которые будут затронуты проектами ВБ? Не окажутся ли такие тщательно оберегаемые от внешнего воздействия группы аборигенов в своего рода “этнографических заповедниках”, создаваемых пусть и из благих побуждений, но все же внешними по отношению к этим людям силами? Иными словами, не перегибают ли эксперты ВБ палку, когда, окончательно и абсолютно оправданно порывая с не столь уж давно господствовавшими принципами и практикой “насильственной (форсированной) модернизации”, они фактически ставят препятствия на пути добровольной социокультурной и экономической модернизации отдельных групп коренного населения?

Видимо, в текстах всех документов необходимо проводить не только мысль о том, что первоочередной задачей разработчиков проектов является полный учет культурных традиций коренного населения и максимальные усилия по их сохранению (что уже есть), но и положение о том, что если легитимные лидеры и большинство членов соответствующих групп высказываются за переход к товарным (коммерческим) формам экономической деятельности с соответствующей трансформацией традиционных систем хозяйства и жизнеобеспечения, то и в этом направлении ВБ призван в рамках своих проектов развития помочь сделавшим подобный выбор группам коренного населения. Последнее, на мой взгляд, будет целесообразно даже в том случае, если в итоге успешного социально-экономического развития эти группы в конце концов могут потерять свои отличительные признаки и, следовательно, сам статус коренных (аборигенных) сообществ. (Как известно, критериями отнесения какой-либо группы к аборигенным/коренным сообществам являются не только положение этнического

меньшинства и исторически наиболее раннее заселение данной территории, но в первую очередь особый, более архаичный и потому более экстенсивный тип традиционного природопользования и хозяйства, обуславливающий низкую плотность населения и, зачастую, неоседлый образ жизни.)

Во-вторых, всемерно поддерживая последовательно проводимые в документах ВБ принципы полного информирования коренного населения о проектах, затрагивающих его интересы, и постоянного партнерства коренных народов с теми, кто разрабатывает и воплощает в жизнь проекты ВБ, нельзя не обратить внимание на крайне серьезный недостаток в программировании данной сферы политики ВБ. Весь вопрос в том, кто от имени коренных народов будет реально получать информацию из ВБ, кто будет представлять коренные народы в партнерских взаимоотношениях с ВБ и кто, в конце концов, будет формулировать от лица коренных народов

С. 46

их права и интересы и отстаивать последние в ходе переговоров с ВБ и Заемщиком (т. е. с органами власти страны либо региона)? На мой взгляд, следует непременно и очень подробно прописать процедуры того, как именно в проектах ВБ будут решаться следующие важнейшие и крайне сложные задачи:

- а) выявление лидеров и/или полномочных представителей коренного народа;
- б) определение легитимности (по нормам государственного и обычного права), репрезентативности (какие сословные или социально-классовые, родоплеменные, хозяйственно-культурные, территориальные и т.п. подразделения коренного народа они представляют) и реального авторитета (какая часть населения и до какой степени верит или подчиняется решениям этих людей) указанных лидеров и/или полномочных представителей коренных народов;
- в) определение того, какое относительное место будут занимать перед лицом ВБ и Заемщика в качестве защитников прав и интересов коренного населения такие индивиды, как 1) представители непосредственно затрагиваемых проектом групп местного коренного населения и 2) члены (активисты и лидеры) общественных организаций коренных народов, в том числе проживающие вне территорий осуществления проекта ВБ. Иными словами, при несомненной необходимости привлечения обоих указанных категорий представителей коренного населения к проектам ВБ следует заранее решить, какую именно роль будет играть каждая из них при разработке и реализации этих проектов и как в этих проектах будут взаимно соотноситься их полномочия и компетенции.

Имеется еще одно важное замечание: не стоит оставлять решение о (не)признании той или иной группы местного населения в качестве “коренной” Заемщику, т.е. в конечном счете органам власти соответствующей страны. Думается, что ВБ может и должен, разработав собственные достаточно удачные критерии определения “коренного населения”, ставить условием своей поддержки проекта признание со стороны Заемщика и соблюдение им всех тех прав соответствующих групп местного населения, которыми ВБ наделяет коренные народы, если эти группы реально отвечают указанным критериям ВБ. Именно ВБ должен иметь право де-факто решать этот вопрос при разработке проекта. Разумеется, при этом ВБ вовсе не должен настаивать на изменении законодательства страны-

С. 47

Заемщика, например, на расширении списка коренных народов этой страны за счет подобных групп и на тому подобных юридических решениях.

Наконец, ключевым элементом рассматриваемых документов являются критерии определения “коренного населения” применительно к условиям России. Так, если один из них и второй, судя по документу 2001 г., по важности понимать узко и буквально, т.е. только как наличие традиционных институтов власти и социально-политической стратификации (родоплеменная организация, вожди или старейшины, социальные механизмы выдвижения и властные полномочия лидеров, и т.п.), то он вообще практически не применим к России, где еще в первой половине XIX в. была в значительной степени разрушена традиционная система социально-политической организации народов Севера, а после периода социализма от нее и вовсе практически ничего не осталось.

Не меньшие проблемы создает еще одна определяющая характеристика коренного народа. Так, в условиях Российской Федерации трудно согласиться с тем, что, например, группы коренных жителей, переселенные в результате осуществления государственной политики 1960–1970-х годов по укрупнению сельских населенных пунктов на Севере и к тому же работающие (недавно работавшие) в государственных или коллективных хозяйствах рыбаками, охотниками и оленеводами, автоматически исключаются из сферы действия данного документа ВБ, поскольку формально они “покинули места первоначального проживания” и “мигрировали в целях получения оплачиваемой работы”. Остается также неясным, как оценивать статус тех групп населения, которые никуда не мигрировали, но тоже включились в работу по найму при сохранении традиционных сфер занятости (т.е. отраслей хозяйства – те же охота или рыболовство на угодьях предков).

Вероятно, сам факт занятия традиционной для данной группы отраслью (отраслями) хозяйства, остающимися главным источником средств существования (пусть даже в резуль-

тате продажи продукции или сдачи в организацию либо компанию, регулярно оплачивающую такой род промысла), и прямое происхождение (пусть и частичное, т.е. даже при условии значительной метисации с переселенцами) от аборигенных групп населения данной территории должны, при их сочетании, являться достаточным основанием для сохранения статуса “коренного народа”, причем территориальный аспект в этом случае должен трактоваться весьма расширенно, т.е. в рамках больших историко-географических регионов. В частности, именно на этой основе мною было предложено достаточно операциональное определение “традиционного хозяйства”, не препятст-

С. 48

вующее его технологической и экономической модернизации⁵³. В законодательных документах к “традиционному хозяйству” в условиях России следует относить такие формы ведения современным населением любой из отраслей присваивающего и сельского хозяйства, при которых это население сохраняет преемственность форм хозяйствования от своих непосредственных предков (в период до начала коллективизации) в каждом из следующих аспектов хозяйства:

- типы используемых природных ресурсов (на Севере – дикие животные и естественная растительность, в первую очередь на оленых пастбищах);
- типы трудовой деятельности (у народов Севера – пастьба оленей, добыча диких животных и лов рыбы, сбор пищевых и лекарственных растений и других продуктов собирательства);
- используемая территория или акватория (применительно к народам Севера – пастбищные, охотничьи, рыболовные угодья, места сбора пищевых, лекарственных и других природных ресурсов);
- типы получаемой первичной продукции (например, мясо, рыба, шкуры и пушнина и т.п. у народов российского Севера).

Кроме того, было выдвинуто следующее предложение: поскольку Заемщик заинтересован прежде всего в развитии экономики региона в целом, вряд ли стоит наделять только его одного правом и обязанностью проводить социально-этнологическую оценку проекта, потенциально могущего принести ущерб коренному населению. Необходимо предусмотреть, что:

- 1) местное население, в том числе коренные группы, имеют право организовать собственную социально-этнологическую экспертизу силами привлекаемых специалистов, и если результаты этой общественной экспертизы расходятся с теми, что получили эксперты Заем-

щика, то вопрос об осуществлении проекта должен решаться путем достижения компромисса между обеими группами экспертов либо даже в суде (как это предусмотрено в РФ в случае с общественной экологической экспертизой);

2) эксперты ВБ, не участвующие в конкретном проекте и проводящие его социально-этнологическую экспертизу, должны получить право приостанавливать проект, если их результаты расходятся с теми, что предоставляет Заемщик. Возможно, экспертиза, проводимая независимо силами специалистов ВБ, должна получить особый статус и обрести обязательный характер, поскольку сами разработчики проекта со стороны ВБ могут в силу разных причин усту-

С. 49

пить давлению Заемщика, пожертвовав тем самым частью прав и интересов коренного населения.

Тематически к обсуждавшемуся выше блоку вопросов отчасти примыкают некоторые результаты рецензирования еще одного проекта ВБ⁵⁴, посвященного проблемам регулирования стихийно активизировавшихся в начале 1990-х годов миграций населения с Крайнего Севера в более обжитые районы страны. В данном случае работа была выполнена по запросу из Минэкономики РФ, пришедшему в Институт этнологии и антропологии РАН в октябре 1998 г. Оставляя в стороне ряд других критических замечаний, в данном случае приведу следующие недостатки проекта, вытекающие из упрощенной установки его авторов на форсирование въезда жителей с северных территорий как на оптимальное решение социальных и экономических проблем, существующих в оставляемых жителями поселениях:

- авторы Проекта игнорируют факт исторически давнего и достаточно плотного заселения Севера России, который был освоен русскими задолго до 1917 г., и наличия в течение последних веков достаточно многочисленного старожильческого русского сельского населения⁵⁵ с низкой миграционной подвижностью и, соответственно, сети постоянных населенных пунктов;

- в Проекте недооценивается факт проживания на Севере многих коренных народов, частью достаточно многочисленных и имеющих существенные темпы естественного прироста даже в нынешний кризисный период (например, якуты), которые практически вовсе не участвуют и в обозримом будущем не примут массового участия в миграциях с Севера, и которые к тому же слабо участвуют в процессах урбанизации и, следовательно, основанная ими сеть сельских населенных пунктов в ближайшие годы никуда не исчезнет.

Очевидно, что лишь горнопромышленные поселки, заселенные преимущественно недавними мигрантами, можно просто “закрыть” при условии организации отъезда всего их

населения, тогда как промышленные города и административные центры и сельские населенные пункты с преимущественно либо в значительной мере коренным или старожильческим населением обречены на существование и нуждаются в организации отселения лишь той части безработных и пенсионеров, что и сами хотели бы покинуть Север. Однако и при “закрытии” северных горнопромышленных поселков, что в связи с истощением месторождений неоднократно происходило и в советские годы, также возникают серьезные социальные

С. 50

проблемы – налаживание снабжения и скупки продукции у окрестных коренных жителей малых деревень, обеспечение последних услугами медицинских и образовательных учреждений и т.п. (т.е. те социальные функции, которые прежде для окрестного населения выполняли магазины, школы, поликлиники горнопромышленного поселка). Авторы проекта попросту игнорируют последний аспект, понимая “закрытие” северного поселка только как проблему решения вопросов переселения жителей самого этого поселка.

Как это ни удивительно и ни печально, но абсолютно аналогичные претензии позднее были сформулированы и к авторам подготовленного в Государственном комитете РФ по строительству Аналитического доклада “Об уточнении Генеральной схемы расселения на территории Российской Федерации и другой градостроительной документации с целью комплексной оценки возможностей регионов по приему и обустройству мигрантов”⁵⁶, которые тоже проигнорировали факт существования коренного и старожильского населения российского Крайнего Севера и рассуждали о расселении в этих регионах только в связи с проблемами пришлых контингентов жителей северных городов и промышленных поселков. Поэтому, говоря о происходящем изменении сети населенных пунктов, они буквально ни словом не обмолвились о том, что в любом случае остающимся на Севере коренным жителям (представителям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока либо якутам, коми или русским старожилам) тоже необходима социально-экономическая инфраструктура этих населенных пунктов – школы, больницы, магазины, центры сбыта продукции традиционных отраслей хозяйства, транспортные связи с региональными центрами.

Междисциплинарный проект ЮНЕСКО “*Видение Волги: 2030 год*” (руководитель – проф. Януш Богарди) нацелен на оценку современного состояния Волжско-Каспийского бассейна, разработку модели устойчивого развития этого региона и создание программы перехода к последнему. 19 мая 2003 г. в г. Нижнем Новгороде мне довелось участвовать в качестве приглашенного эксперта в Рабочем совещании Консультативного комитета ЮНЕСКО по проекту “Видение Волги”, а 20–21 мая – в работе Секции 2 “Междисциплинарная инициатива ЮНЕСКО по устойчивому развитию Волго-Каспийского региона”, организованной

в рамках Международного научно-промышленного форума “Великие реки – 2003”. Не будучи каким-то образом связан с этой международной организацией и ее деятельностью, я лишь дал заключение по рабочему варианту списка и значения индикаторов для оценки движения Волжско-Каспийского бассейна к ус-

С. 51

тойчивому развитию, подготовленному инициаторами и отечественными исполнителями междисциплинарного проекта “Видение Волги: 2030 год”.

В целом моя оценка оказалась негативной, и дискуссии поэтому были весьма острыми. Впрочем, большинство других приглашенных на рабочее совещание российских экспертов тоже резко критически отозвались как о предложенных к рассмотрению и обсуждению индикаторах, так и об общей теоретической и фактологической основе проекта. Напомню, что в исследованиях, выполняемых в русле концепции устойчивого развития, именно отбор индикаторов и определение их желаемых значений представляет основную сложность с научной точки зрения и, вместе с тем, является наиболее важной в практическом отношении частью программ перехода к устойчивому развитию.

Вероятно, в данном случае можно привести достаточно пространные выдержки из моей экспертной работы, подготовленной по итогам дискуссий в Нижнем Новгороде⁵⁷, так как это покажет суть ошибок в сфере экологии, социологии и этнологии Волжско-Каспийского бассейна, допущенных организаторами обсуждаемого проекта. Кроме того, читателям будет полезно узнать, на каком низком научном уровне иногда работают сотрудники столь уважаемых международных организаций, как ЮНЕСКО.

Замечания самого общего плана, и потому наиболее принципиальные, касаются состава тематических групп индикаторов. Во-первых, из общеизвестной триады “общество – среда – экономика”, лежащей в основе концепции устойчивого развития и тем самым ориентирующей исследователей на изучение и прогнозирование будущего состояния каждого из этих трех компонентов, авторы проекта “Видение Волги: 2030 год” сознательно и практически полностью исключают компонент “экономика”. Трудно согласиться с оправданностью такого подхода, ведь без прогноза желаемого (и реально возможного!) уровня развития экономики нельзя прогнозировать ни будущий уровень жизни населения и, косвенно, состояние его здоровья, ни формы и интенсивность воздействия общества на окружающую среду и, следовательно, состояние последней. Таким образом, авторы все равно вынуждены строить некие собственные предположения о будущем состоянии экономики региона и на их основе определять значения многих социальных и экологических индикаторов, но тогда почему они не вводят данные экономические показатели непосредственно в свою работу?

Во-вторых, среди социальных индикаторов нет тех, которые были бы прямо основаны на демографическом прогнозе желаемой будущей численности и урбанизированности населения, с чем тоже нельзя согласиться-

С. 52

ся, ибо авторы при этом определяют будущую обеспеченность горожан жилой площадью или территорией зеленых насаждений в городах. Иначе говоря, как и в случае с экономической группой индикаторов, организаторы проекта для себя делают демографический прогноз, но почему-то стесняются открыто показать его результаты, хотя в завуалированной форме их применяют.

Наконец, в-третьих, полностью игнорируется тот очевидный факт, что бассейн Волги – полиэтничный регион, и потому явной ошибкой авторов проекта является то, что у них нет никаких попыток ввести показатели этнокультурного, языкового, конфессионального и т.п. характера, описывающие будущее состояние населения.

Целая серия конкретных замечаний касается распределения отдельных индикаторов по их тематическим группам. Так, даже если принять весьма спорную логику авторов по разделению индикаторов на предложенные ими основные тематические группы, то и ей явно противоречат как минимум следующие случаи: 1) индикатор “Количество городов, в воздухе которых обычно превышены ПДК” должен входить не в группу “Здоровье”, а в группу “Среда обитания”; 2) индикатор “Площадь (в га) и объем древесины (в куб. м), ежегодно теряемых из-за лесных и торфяных пожаров” тоже должен входить не в группу “Безопасность (населения. – А.Я.)”, где речь идет о средовых рисках для жизни и здоровья людей, а в группу “Окружающая среда”; 3) индикатор “Деградированные сельскохозяйственные земли, в 1000 га” должен входить не в группу “Питание”, а в группу “Окружающая среда”.

Кроме того, индикаторы “Урожайность картофеля и зерновых, в кг на 1 га обрабатываемых земель” и “Поголовье крупного рогатого скота и лошадей и, отдельно, свиней, коз и овец на 1000 чел.” никак не могут свидетельствовать об особенностях питания населения Волжского бассейна, ведь это промышленно развитый и высоко урбанизированный регион, где потребление продуктов питания подавляющего большинства людей зависит от их личных доходов, а не от поголовья скота либо урожайности в частных или коллективных хозяйствах прилегающих сельских районов.

Довольно много конкретных замечаний по количественным показателям и интерпретации отдельных индикаторов.

Например, никак нельзя согласиться с прогнозом о росте душевого потребления животных белков в регионе с 41 г до 50 г в день в период 2000–2030 гг. (индикатор 2.3), ведь

это означает рост примерно на 20% за 30 лет – во-первых, по всем остальным экономическим и социальным индикаторам прогнозируются существенно большие повышения их значений

С. 53

(см., например, группы “Здоровье” или “Качество жизни”), что входит в прямое противоречие с данной оценкой; во-вторых, для всех этнических групп региона характерна культура питания, придающая высокую ценность мясным, молочным и т.п. продуктам, а потому при предполагаемом авторами росте уровня жизни населения потребление животных белков будет расти никак не меньшими темпами.

Что касается индикатора “Поголовье крупного рогатого скота и лошадей и, отдельно, свиней, коз и овец на 1000 чел.”, то увеличение его значения не должно использоваться в качестве оценки степени улучшения общей ситуации в регионе, где значительные площади в Калмыкии и Астраханской обл. уже сейчас страдают от опустынивания вследствие перевыпаса, и подобная угроза стоит также перед многими районами Волгоградской и Саратовской областей. Поэтому в целях перехода к устойчивому развитию региона требуется сокращать, а не наращивать поголовье выпасаемого на естественных сухостепных и полупустынных пастбищах скота, особенно мелкого рогатого как экологически наиболее опасного в местах развития вторичного (антропогенного) опустынивания.

Индикатор “Площадь (в га) и объем древесины (в куб. м), ежегодно теряемых из-за лесных и торфяных пожаров” бессмысленно использовать для оценки и прогноза ситуации в Волго-Каспийском регионе в целом и особенно в его отдельных частях – областях и республиках Среднего и Нижнего Поволжья. Дело в том, что в этом регионе весьма значительную площадь (до одной трети!) занимают природные зоны степей, полупустынь и даже пустынь, где нет ни лесов, ни торфяников.

Индикатор “Доля населения, занятого в неформальном секторе экономики, и доля безработных”, к сожалению, в условиях России рубежа 1990-х – начала 2000-х годов не может использоваться при оценке реальных доходов этих групп населения: очень часто они, работая в торговле или сфере услуг без регистрации (и сопутствующего налогообложения!) своей деятельности, в действительности оказываются в экономически гораздо более хорошем положении, чем формально работающие на постоянной основе сотрудники бюджетных организаций (школы, больницы, библиотеки и т.п.) либо промышленных и сельскохозяйственных предприятий, годами балансирующих на грани банкротства и нерегулярно выплачивающих работникам символические зарплаты.

Итак, предложения авторов проекта “Видение Волги. 2030 год” содержат многочисленные и грубые ошибки, в том числе социально-этнологического характера. Видимо, при-

чина кроется в том, что, во-первых, его организаторы не являются специалистами в области социальных наук и к

С. 54

тому же плохо знакомы с современными российскими реалиями. При этом они не прислушались к советам российских исполнителей и настояли именно на своей версии состава и желаемых будущих количественных значений индикаторов движения Волго-Каспийского бассейна к устойчивому развитию. Например, основную работу по подготовке раскритикованного выше Рабочего списка индикаторов выполнил инженер-гидротехник из одной западноевропейской страны.

Во-вторых, что не менее важно и, увы, часто встречается во многих других проектах, выполняемых международными организациями, руководители которых обычно имеют богатый опыт работ по аналогичной тематике в странах Африки и Азии. По инерции они воспринимают все страны, лежащие за пределами Западной Европы и англоязычной Северной Америки, как преимущественно аграрные и к тому же с господством либо широким развитием натурального (или полунатурального) сельского хозяйства. Именно поэтому возникает мысль использовать, например, показатели численности поголовья скота на 1000 человек, урожайности картофеля и зерновых на 1 га, или общей площади эродированных сельскохозяйственных земель в качестве индикаторов уровня питания или уровня жизни всего населения рассматриваемого региона. Понятно, что оценивать рацион питания жителей Нидерландов или какого-нибудь штата США по количеству коров и свиней, приходящихся на душу населения этой страны или региона, они бы никогда не стали. Но при изучении России или других стран СНГ, в том числе индустриально развитых и урбанизированных (типа Белоруссии), у них срабатывают стереотипы восприятия жизни населения, сложившиеся в ходе их работы в бедных или относительно бедных государствах мира.

Высказанная выше критика восприятия российских реалий экспертами международных организаций и объяснение возможной причины последнего относится не только к проекту “Видение Волги: 2030 год”, но отчасти и к Всемирному Банку. С одной стороны, ВБ действительно отличается очень высоким уровнем требований к научной проработке проектов и, как не раз говорилось выше, он явился пионером и своего рода “законодателем мод” в сфере экологической и социально-этнологической экспертизы или учета прав и интересов местных сообществ, аборигенных народов или вынужденных переселенцев, порождаемых программами развития экономики. Однако на практике и в деятельности экспертов ВБ можно порой увидеть следы механического переноса опыта работы в странах Африки, Ближнего и Сред-

него Востока, тропической Азии и Латинской Америки. Видимо, именно этим объясняется смысл одобренных ВБ проектов желательной

С. 55

трансформации российских систем школьного образования и медицинской помощи. Эти планы встретили обоснованно жесткую критику большинства отечественных специалистов и широкой общественности в целом, ибо по сути означали снижение достигнутого ранее в этих социальных сферах и гарантированного государством уровня обучения (за счет упрощения стандартов знаний по учебным дисциплинам) и лечения (например, при упразднении педиатров в районных поликлиниках).

Кстати говоря, опыт сотрудничества с международными организациями свидетельствует, что одной из важнейших и первоначальных задач отечественного эксперта-этнолога зачастую является именно объяснение социально-экономической и этнокультурной специфики России или ее отдельных регионов. То, что наши специалисты считают само собой разумеющимся и не требующим особых разъяснений, иногда вовсе не кажется таковым заказчикам экспертиз или проектов.

* * *

Резюмируя представленный выше экскурс в проблематику этноэкологической экспертизы, хочется подчеркнуть главное – она существует и довольно успешно развивается в нашей стране, а ее перспективы, если судить по аналогии со сложившимся ныне за рубежом положением, внушают явный оптимизм. Однако в данный момент основной и весьма серьезной проблемой этноэкологической экспертизы является малая ее востребованность со стороны российских органов власти прежде всего в силу их неинформированности о ее задачах и возможностях. Поэтому столь большую роль в качестве заказчиков продолжают играть международные организации и транснациональные компании, действующие в сырьевых отраслях экономики Сибири, Дальнего Востока и Европейского Севера.

Главной задачей специалистов, однако, ныне следует считать борьбу за законодательное оформление социально-этнологической экспертизы в качестве обязательной процедуры предварительной оценки проектов всех социально значимых административных решений и программ экономического развития, т. е. за придание ей в нашей стране такого же юридического статуса, который с 1995 г. имеет в России экологическая экспертиза. Именно в рамках общей социально-этнологической экспертизы, как показывает мировой опыт, должна будет занять свое важное место ее этноэкологическая составляющая.

С. 56

Примечания

¹ Комиссия, созданная в основном по инициативе и благодаря усилиям проф. Мариэтты Баба (Marietta L. Baba), в то время возглавлявшей антропологический факультет Университета Уэйна в Детройте, а ныне работающей в Университете штата Мичиган в Ист Лансинге, имеет по существу два взаимозаменяемых названия, т.е. приведенное выше и второе – “Комиссия по антропологии в политике и практике” – Commission on Applied Anthropology and Commission on Anthropology in Policy and Practice of the International Union of Anthropological and Ethnological Sciences; впрочем, официальным является последнее.

² См. ст. 1.6 и ст. 8.6 закона “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”, принятого в 1999 г.

³ Степанов В.В. Этнологическая экспертиза // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии / Ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М.: Стратегия, 2002. С. 241–261.

⁴ Всемирный Банк, несмотря на свое название, не является банком в обычном понимании этого слова. Это, цитируя информационный бюллетень Всемирного Банка, “специализированное финансовое учреждение ООН со штаб-квартирой в г. Вашингтоне (США). В мае 1997 г. количество стран-членов банка составило 180. Главные цели ВБ – содействие и помощь в реконструкции и развитии экономики стран-членов ВБ путем предоставления им долгосрочных кредитов и гарантий. Займы предоставляются как правительствам, так и под гарантии правительств стран-заемщиков”. См.: Картер М. Обращение к читателям // Сотрудничество. Информационный бюллетень Представительства Всемирного Банка в России. 1997. № 1–2 (ноябрь). С. 1. В последние десятилетия ВБ действует только в странах Третьего Мира и в бывших социалистических государствах.

⁵ Гражданское руководство по Всемирному Банку для неправительственных организаций и коренных народов / Сост. С.М. Бул. Вашингтон: Всемирный Банк, 1995. С. 50.

⁶ Ныне действующие документы по экологической экспертизе мне любезно предоставил сотрудник Всемирного Банка А. Кушлин. История развития этой экспертизы и тексты предшествовавшего комплекта документов опубликованы. См.: Гражданское руководство по Всемирному Банку... С. 32–38.

⁷ См. также анализ части этих документов: Ямсков А.Н. Политика Всемирного Банка по отношению к коренным народам // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. С. 261–283.

⁸ См. подробнее: Прохоров Б.Б. Экология человека. Понятийно-терминологический словарь. М.: МНЭПУ, 2000. С. 175–176, 300–301.

⁹ См., напр., общие требования антропоэкологического характера, предъявляемые в России к ОВОС и экологической экспертизе, а также пример проведения ОВОС при планировании освоения газовых месторождений на Ямале: Прохоров Б.Б. Прикладная антропоэкология: Учеб. М.: МНЭПУ, 1998. С. 147–184.

¹⁰ Willigen J. van. Anthropology in Use: A Source Book on Anthropological Practice. Boulder: Westview Press, 1991. [Westview Special Studies in Applied Anthropology]. P. 3–6.

С. 57

¹¹ При создании Комиссии на XIII Конгрессе МСАЭН в г. Мехико (1993) в число ее учредителей вошел Институт этнологии и антропологии РАН.

¹² Baba M. The IUAES Commission on Anthropology in Policy and Practice // The Global Practice of Anthropology / Eds. M. Baba, C. Hill. Williamsburg: College of William & Mary Press, 1997. [Studies in Third World Societies. Publication № 58]. P. X, XI.

¹³ Fiske Sh.J., Chambers E. Status and Trends: Practice and Anthropology in the United States // The Global Practice of Anthropology. P. 290, 303.

¹⁴ См., напр.: “Видимые руки”: ответственность за социальное развитие. Докл. Исследовательского ин-та по проблемам социального развития при ООН. М., 2001. С. 20, 127–129.

¹⁵ *Cernea M.M. Sociological Work within a Development Agency: Experiences in the World Bank.* Wash., The World Bank Discussion Paper. №51. August 1993.

¹⁶ *Putting People First: Sociological Variables in Rural Development* / Ed. M.M. Cernea. 2nd ed., revised and expanded. N. Y.: Oxford University Press, 1991. 575 + XXI p. См. также: *Ямсков А.Н. “Ставя человека во главу угла”. Обзор книг М. Черны по прикладным исследованиям в этнологии и социологии села // Этнограф. обозрение. 1995. №2. С. 164–167; Он же. Applied Social Research: Putting People First // Development News. Weekly Supplement [The World Bank, Washington]. 1995. June 23.*

¹⁷ *Cernea M., with Adams A. Sociology, Anthropology, and Development: An Annotated Bibliography of World Bank Publications 1975–1993.* Wash.: The World Bank, 1994; тематический анализ этой библиографии вошел в работу: *Ямсков А.Н. Ситуация с прикладными этноэкологическими исследованиями в зарубежной этнологии // Методы этноэкологической экспертизы / Отв. ред. В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 41–60.*

¹⁸ *Kottak C.Ph. When People Don't Come First: Some Sociological Lessons from Completed Projects // Putting People First: Sociological Variables in Rural Development. P. 431–464.*

¹⁹ Данная часть работы представляет собой сокращенный и частично переработанный вариант ранее опубликованного текста – см.: *Ямсков А.Н. Ситуация с прикладными этноэкологическими исследованиями в зарубежной этнологии // Методы этноэкологической экспертизы. С. 41–62.*

²⁰ *Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Сов. этнография. 1983. №1. С. 3–16; Он же. Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М.: ИЭА РАН, 1994. 230 с.*

²¹ *Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде / Ред. Е.А. Веселкин, В.А. Тишков. М.: Наука, 1989. С. 86–107.*

²² *Willigen J. van. Op. cit.*

²³ *Cernea M. with Adams A. Op. cit. XIII + 310 p.*

²⁴ *Willigen J. van. Op. cit. P. 1–2.*

²⁵ *Ibid. P. 7.*

²⁶ *Cernea M. with Adams A. Op. cit. P. 5.*

²⁷ О тематике этноэкологических исследований подробнее см.: *Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические функции //*

С. 58

Этническая экология: Теория и практика / Ред. В.И. Козлов, Н.А. Дубова, А.Н. Ямсков. М.: Наука, 1991. С. 14–43; *Козлов В.И., Ямсков А.Н. Указ. соч. С. 86–107.*

²⁸ *Serageldin I. Foreword // Cernea M. with Adams A. Op. cit. P. V–VII.*

²⁹ Издание осуществляет редакционная группа в составе: В.А. Тишков (отв. ред.), М.Ю. Мартынова и Н.А. Лопуленко; последняя ведет основную организационную и техническую работу по подготовке выпусков к печати. Для подсчетов тематического состава публикаций использовался их полный список, см.: *Губогло М.Н., Дубова Н.А. Социально-адаптивная и этноразрушительная энергия гастарбайтерства / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ №174. М., 2004. С. 27–29. Всего было опубликовано 174 брошюры основной серии и 6 брошюр серии “Б” (1991–1992) по проблемам зарубежных стран. Поскольку в каждом из выпусков №44 и 94 публиковалось по два авторских текста, общий массив проанализированных публикаций составил 182 работы.*

³⁰ Среди обилия публикаций по проблемам устойчивого развития лучшей книгой, на мой взгляд, является сборник: *Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный уровни. Зарубежный опыт и проблемы России. М.: КМК, 2002. См. также обзор истории развития и изменений в содержании концепции устойчивого развития, включая ана-*

лиз решений последней конференции на высшем уровне по устойчивому развитию в г. Йоханнесбурге в 2002 г.: *Перелет Р.А.* Переход к эре устойчивого развития? // Россия в окружающем мире: 2003 (Аналитический ежегодник) / Ред. Н.Н. Марфенин, С.А. Степанов. М.: МНЭПУ, 2003. С. 10–31.

³¹ Программа действий. Повестка дня на XXI век и другие документы конференции в Рио-де-Жанейро в популярном изложении. Женева, 1993. X + 70 с. См. также: Экокультура: в поисках выхода из экологического кризиса: Хрестоматия по курсу охраны окружающей Среды / Сост. Н.Н. Марфенин. М.: МНЭПУ, 1998. С. 304–312.

³² *Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й.* За пределами роста. М.: Прогресс, 1994. 304 с.

³³ Экокультура: в поисках выхода из экологического кризиса: Хрестоматия по курсу охраны окружающей Среды / Сост. Н.Н. Марфенин. М.: МНЭПУ, 1998. С. 271–271.

³⁴ *Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С.* Экологический вызов и устойчивое развитие. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 299–327.

³⁵ *Ретеюм А.Ю.* Мониторинг развития. М.: Хорион, 2004. 160 с.

³⁶ Об этих сюжетах подробнее см.: *Ямсков А.Н.* Этнический конфликт: проблемы дефиниции и типологии // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Ред. М. Олкотт, В. Тишков, А. Малащенко. М.: Московский Центр Карнеги, 1997. С. 205–224.

³⁷ См., напр.: *Клоков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков А.Н.* Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных народов российской Арктики / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ № 141. М.: ИЭА РАН, 2001. 20 с.; *Тишков В.А.* Заключение // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока:

С. 59

Независимый экспертный доклад / Ред. В.А. Тишков. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2004. С. 177–182.

³⁸ Подробнее см.: *Козлов В.И., Ямсков А.Н.* Указ. соч. С. 86–107.

³⁹ Доказательством данного тезиса применительно ко времени расцвета эколого-антропологических исследований в конце 1960-х – 1970-х годов служит обзорная монография Роя Эллена: *Ellen R.* Environment, Subsistence and System: The Ecology of Small-Scale Social Formations. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. XVI + 324 p.

⁴⁰ См. также: *Ямсков А.Н.* Этнокультурные и медико-демографические аспекты концепции устойчивого развития // Учитель 21 века: Устойчивое развитие и географическое образование (Матер. IV Межвуз. науч.-практ. конф., г. Москва, 26–27.XI.2004 г.) / Ред. В.Т. Дмитриева, В.П. Белобров, А.Н. Ямсков. М.: МПГУ, 2005; *Yamskov A.* Medical-demographic criteria of adaptation to urban environment // 15th ICAES “Humankind/Nature Interaction: Past, Present and Future”. Florence (Italy), July 5–12, 2003. Abstract Book. Vol. II. P. 884.

⁴¹ *Krasovskaya T.M., Abryutina I.I., Agitaev E.V., Arakchaa K.D., Funston B., Klovkov K.B., Lyubimtsev M.Y., Mikhailov A.A., Proskurkina O.M., Sumina E.N., Todyshev M.A., Vlasova T.K., Yamskov A.N., and Zubarevich N.V.* Indigenous Peoples of the Russian Arctic: Present Situation and the Transition to Sustainable Development. L., M.: ACOPS, 2000 (www.acops.org/NPA_Arctic.htm).

⁴² *Клоков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков А.Н.* Указ. соч. Они же. Этнокультурные аспекты природопользования Арктического региона России // География и природные ресурсы. 2002. №4. С. 23–29.

⁴³ *Ямсков А.Н.* Население лесной зоны Сибири и Дальнего Востока в первой половине 1990-х годов: права различных этносоциальных групп на биоресурсы и зависимость от них // Этнические проблемы регионов России. Северный Кавказ. Калининградская область. Крайний Север / Ред. Н.А. Дубова, Н.А. Лопуленко. М.: Старый сад, 2002. С. 277–337.

⁴⁴ *Ямсков А.Н.* Территории традиционного землепользования в Хабаровском крае / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ № 96. М.: ИЭА РАН, 1996. 30 с.;

Он же. Возможная дефиниция “территорий традиционного природопользования” в законодательстве о правах малочисленных народов Севера // *Homo juridicus: Матер. конф. по юридической антропологии* / Ред. Н.И. Новикова, А.Г. Осипов. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 212–221; *Он же.* Права малочисленных народов российского Севера на территории традиционного природопользования: владение или пользование? // *Обычное право и правовой плюрализм. (Матер. XI Междунар. конгр. по обычному праву и правовому плюрализму, август 1997 г., Москва)* / Ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 119–126.

⁴⁵ *Yamskov A.N. Applied Ethnology and Ethnoecology in Combining Aboriginal Land Rights with the Preservation of Biodiversity in Russia // Practicing Anthropology. 1999. Vol. 20. № 2 (Spring). P. 48–52; Yamskov A.N. The Rights of Small-Numbered Peoples of the Russian North in the Territories of Traditional Nature Use: Ownership or Use? // Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 2001. №46. P. 121–134.*

С. 60

⁴⁶ См. подготовленные автором данной работы раздел “Annex G. Poverty, Unemployment, and the Social Safety Net in Forest Communities” на с. 225–241, а также части текста на с. 52–54, 83–84, 86 в издании: *Russia: Forest Policy during Transition. Wash.: The World Bank, 1997. XIV+283 p.*

⁴⁷ *Ямсков А.Н.* Население лесной зоны Сибири и Дальнего Востока в первой половине 1990-х годов: права различных этносоциальных групп на биоресурсы и зависимость от них // *Этнические проблемы регионов России. Северный Кавказ. Калининградская область. Крайний Север.* С. 277–337; *Yamskov A.N. Applied Ethnology and Ethnoecology in Combining Aboriginal Land Rights with the Preservation of Biodiversity in Russia.* P. 48–52.

⁴⁸ *Ямсков А.Н.* Территории традиционного землепользования в Хабаровском крае.

⁴⁹ *Ямсков А.Н.* Возможная дефиниция “территорий традиционного природопользования” в законодательстве о правах малочисленных народов Севера. С. 212–221; *Он же.* Права малочисленных народов российского Севера на территории традиционного природопользования: владение или пользование? С. 119–126.

⁵⁰ Федеральный закон от 7 мая 2001 г. №49–ФЗ “О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации”.

⁵¹ *Yamskov A. The Aral Ecological Crisis and Its Social Consequences.* Октябрь 1994 [7,3 а.л.] (неопубликованная экспертная работа).

⁵² *Ямсков А.Н.* Комментарии к Предложениям по пересмотру Операционной Директивы Всемирного Банка №4.20 (от 29.06.1998) и к исходному тексту ОД №4.20 “Коренные народы”. Ноябрь 1998 г. 2 с.; *Он же.* Комментарии к проектам Операционной политики Всемирного Банка №4.10 “Коренные народы” и Процедуры Всемирного Банка №4.10 “Коренные народы” (оба документа – от 23 марта 2001 г.). Октябрь 2001 г., 4 с. (неопубликованные экспертные работы).

⁵³ *Ямсков А.Н.* Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования // *Юридическая антропология. Закон и жизнь* / Ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М.: Стратегия, 2000. С. 175.

⁵⁴ *Ямсков А.Н.* Огзыв на предварительный вариант Проекта Всемирного Банка “Социально-экономические проблемы миграции из районов Севера России” (Москва: Всемирный Банк, август 1998. 26 с. + 11 с. приложений). Октябрь 1998 г., 4 с. (неопубликованная экспертная работа). Впоследствии часть данного текста вошла в сводный Огзыв Института этнологии и антропологии РАН, содержащий отрицательную оценку Проекта.

⁵⁵ В различных регионах Сибири доля старожильческого населения среди местных русских достаточно велика. Например, в границах современных Красноярского края, Хакасии, Таймыра и Эвенкии, согласно переписи 1926 г., местные уроженцы составляли 46% русского населения, или 495 400 человек (численность всего коренного нерусского населения состав-

ляла тогда 395 600 чел.). Вероятно, эти цифры лишь незначительно превышают численность и долю старожильского русского населения региона, являющегося потомками первых поселенцев XVII–XVIII вв., поскольку активная крестьянская колонизация начала XX в.

С. 61

заглотнула лишь немногие южные районы указанного региона. См.: Русские старожилы Сибири / Ред. В. Бунак, И. Золотарева. М.: Наука, 1973. С. 180–181.

⁵⁶ Ямсков А.Н. Замечания и предложения по Аналитическому докладу “Об уточнении Генеральной схемы расселения на территории Российской Федерации и другой градостроительной документации с целью комплексной оценки возможностей регионов по приему и обустройству мигрантов” (М.: Госстрой РФ, 2002. 57 с.). Январь 2003 г., 8 с. (неопубликованная экспертная работа). Часть данного текста вошла в сводный Отзыв Института этнологии и антропологии РАН, содержащий указания на многочисленные недостатки Проекта.

⁵⁷ Ямсков А.Н. Замечания к Рабочему варианту списка и значения индикаторов для оценки движения Волжско-Каспийского бассейна к устойчивому развитию (подготовлены в рамках междисциплинарного проекта ЮНЕСКО “Видение Волги: 2030 год” / Отв. ред. Я. Богарди). М., 2003. 3 с. (неопубликованная экспертная работа).

С. 62